

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

2.3

NEWSLETTER

International
Sociological
Association

“Наблюдая” за Тахриром

Самия Мехрез

Форум МСА в Буэнос-Айресе

Альберто Бялаковски и
Алисия Палермо

Польские мигранты

Ева Паленга-Мелленбек

Продолжение дебата

Джеффри К. Александер
Пауло Энрике Мартинс

- > Плачевное состояние постсоветской социологии
- > Социология маори в Новой Зеландии
- > Бедность в постсоветской Армении
- > История *Current Sociology*
- > Наши японские редакторы
- > Глобальная аудитория
- > Электоральный уклон в МСА
- > In Memoriam: Джон Рекс и Курт Джонассон
- > Социологии мира: Колумбия, тюркоязычные страны, Индия, страны БРИК

VOLUME 2 / ISSUE 3 / FEBRUARY 2012

GDN

eniu z Nie
agnął wy
pnia dob

ską Górny
aczną ne

> От редактора

Социальная справедливость и демократизация

Буэнос-Айрес - особенно подходящее место для предстоящего форума МСА «Социальная справедливость и демократизация». Как пишут в этом выпуске Глобального диалога Альберто Бялаковски и Алисия Палермо, сопрезиденты местного организационного комитета, и Энрике Мартинс, президент Латиноамериканской социологической ассоциации, важно не только то, что Латинская Америка породила прогрессивные движения в защиту социальной справедливости и демократии, но и то, что ее социологи сыграли в этом героическую роль. Они создали динамичную региональную социологию, которая будет представлена на форуме.

Тема форума - «Социальная справедливость и демократизация» - соответствует не только месту, но и историческому моменту. Самия Мехрез открывает этот выпуск ГД размышлениями по поводу годовщины египетской «Январской революции», рассматривая ее множественные смыслы, распространившиеся как в самом Египте, так и за границей. Каирский Тахрир действительно породил глобальную волну социальных движений за социальную справедливость и демократию. Возникнув словно из ниоткуда, эти движения смело атаковали диктатуры Туниса, Египта, Ливии, Сирии, Йемена, они разжигают протесты против жесткой экономии бюджетных средств в Европе, сливаются с американскими акциями под лозунгом «Захвати Уолл-стрит», которые, распространяясь в США, находят отголоски во всем мире. Нельзя забывать и о массовых протестах в Израиле, Чили и совсем недавно в предвыборной России. Недовольства могут быть локальными, но само движение носит глобальный характер.

Это движения не столько эксплуатируемых, хотя и они присоединились к нему, сколько обездоленных – тех, чье существование определяется необеспеченностью (прекаритетом). Это движения студентов, бывших студентов и молодежи в целом, лишенной будущего и возможностей использовать свои навыки и знания; движения крестьян, лишенных земли или воды – в Китае, Индии, на Филиппинах, в Бразилии, Боливии и в других местах. Движения под лозунгами «захвата» («Оссиру») также выступили против городских ограничений, огораживаний, сражаясь с полицией за сохранение публичных пространств.

Будучи символическим вызовом капитализму, движения под лозунгом «Захвати» представляют вполне реальный вызов для социологии. Исследования неравенства больше не могут ограничиваться 99 %, а должны пристально взглянуть на оставшийся 1 %. Мы не можем исследовать только доход, мы должны изучать богатство и то, как этот один процент населения эксплуатирует 99% с помощью таких механизмов, как, например, разные формы долговой зависимости. Политическая социология должна выйти за пределы изучения электоральной демократии, оказавшегося неспособным оценить масштабы социальной несправедливости и регулировать финансовый капитал. Движения под лозунгами «захвата» идентифицируют себя с демократией участия. И здесь Латинская Америка тоже была первопроходцем. Политики структурной перестройки, разрушившие экономики региона в 1990-е, привели к десятилетию контрдвижений, в которых не последнюю роль играли аргентийские захваты фабрик и публичных пространств. И это еще одна причина, почему Буэнос-Айрес – то место, где нужно быть с 1 по 4 августа 2012 г.

[Глобальный Диалог выходит 5 раз в год на 13 языках. Его можно найти на](#)

[Facebook](#) и на сайте МСА. Материалы следует направлять Майклу Буравоу ([Michael Burawoy](mailto:Michael.Burawoy)):

burawoy@berkeley.edu

“Наблюдая” за Тахриром. “Революция” 25 января в Египте обозначила наступление новой эры социального протеста. В годовщину этого события Самия Мехрез размышляет о его множественных публичных интерпретациях в Египте и за его пределами

Вызовы форума МСА в Буэнос-Айресе. Местные организаторы, Альберто Бялаковски и Алисия Палермо рассказывают о планах глобального разговора о социальной справедливости и демократизации в Буэнос-Айресе.

Польские мигранты. Распад СССР и его империи вызвал миграционные потоки в Восточной и Центральной Европе; процессы миграции свидетельствуют о неравенстве в этих регионах. Ева Паленга-Меленбек анализирует положение польских мигрантов с Германии.

Местный космополитизм. Продолжая дебаты о международной социологии, Джеффри Александер показывает неразрывную связь местного и космополитического.

Редакционный совет > В этом выпуске

Редактор:

Майкл Буравой.

Исполнительные редакторы:

Лола Бусуттил, Август Бага.

Заместители редактора:

Маргарет Абрахам, Тина Уйс, Ракель Соса, Дженифер Платт, Роберт Ван Крикен.

Консультанты редакции:

Изабела Барлинска, Луи Шовель, Дилек Синдоглу, Том Дуайер, Ян Фриц, Сари Ханафи, Хайме Хименес, Хабибул Хондкер, Симон Мападименг, Ишвар Моды, Никита Покровский, Эмма Порйо, Йошимичи Сато, Винета Синха, Бенъямин Техерина, Чин-Чун Йи, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы:

Арабский мир:

Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Бразилия:

Густаво Танигути, Джулиана Тонче, Педро Манчини, Фабио Сильва Цунода, Дмитрий Кербнчини Фернандес, Андреса Галли, Рената Баррето Претулан.

Колумбия:

Мария Хозе Альварес Ривадулла, Себастьян Виллализар Сантамария, Андрес Кастро Араухо.

Индия:

Ишвар Моды, Ражив Гупта, Рашими Джайн, Удай Синх.

Иран:

Рейханех Джавади, Шахрад Шахванд, Фейтмех Могхаддаси, Сагхар Бозорги, Джалал Каримян.

Япония:

Казухиса Нишихара, Мари Шибя, Йошия Шитотани, Коусуке Химено, Томохиро Такама, Ютака Ивадате, Казухиро Икеда, Ю Фукуда, Мичико Самбе, Такако Сато.

Польша:

Миколай Миржеевский, Анна Пикутowska, Каролина Миколаевска, Якуб Розенбаум, Томаш Пьятек, Юлия Легат, Миколай Нижинский, Анна Ржежник, Конрад Семашко, Патриция Пендраковска, Войтек Перчусь, Адам Мюллер

Россия:

Елена Здравомыслова, Елена Никифорова, Ася Воронкова.

Тайвань:

Джинг-Мао Хо.

Украина:

Свитлана Хутка.

Медиаконсультанты:

Анни Лин, Хозе Регуера.

От редактора: Социальная справедливость и демократизация **2**

> ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

“Наблюдая” за Тахриром

Самия Мехрез, Египет **4**

Вызовы форума МСА в Буэнос-Айресе

Альберто Л. Бялаковски и Алисия И.Палермо, Аргентина **6**

Польские мигранты

Ева Паленга-Мелленбек, Германия **8**

> СОЦИОЛОГИЯ В МИРЕ НЕРАВЕНСТВА: ПРОДОЛЖЕНИЕ ДЕБАТА

Локальный космополитизм

Джеффри Александер, США **10**

Латинская Америка – сообщество особого пути?

Пауло Энрике Мартинс, Бразилия **12**

> ИЗ РЕГИОНОВ

Плачевное состояние постсоветской социологии

Виктор Вахштайн, Россия **14**

Социология маори в Новой Зеландии

Трейси Макинтош, Новая Зеландия **16**

О “новой бедности” в постсоветской Армении

Геворг Погосян, Армения **17**

> ТЕМАТИЧЕСКИЕ КОЛОНКИ

Уголок истории: Активная жизнь “*Current Sociology*”

Дженнифер Платт, ВБ, и Элоиза Мартин, Бразилия **18**

Обучая социологии: Глобальная аудитория

Лариса Титаренко, Беларусь, и Крэг Б. Литтл, США **20**

Политика МСА: Национальные ассоциации в проигрыше

Роберто Чиприани, Италия **22**

Представляем редакторов: японская команда

23

> IN MEMORIAM

Джон Рекс скончался в возрасте 86 лет

Салли Томлинсон и Роберт Мур, ВБ **24**

Курт Джонассон, 1920-2011

Селин Сен-Пьер, Канада **25**

> КОНФЕРЕНЦИИ

Наследие и разрывы в колумбийской социологии

Патрисия Джарамилло Гуерра и Фернандо Кубидес, Колумбия **26**

Тюркская социология в Евразийском пространстве

Елена Здравомыслова, Россия **28**

Бриллиантовый юбилей Индийского социологического общества

Т.К. Ооммен, Индия **30**

Социальная стратификация в странах БРИК

Том Дуайер, Бразилия **32**

> “НАБЛЮДАЯ” ЗА ТАХРИРОМ

Самия Мехрез, Американский университет в Каире, Египет

Самия Мехрез – известный профессор арабской литературы факультета арабских и исламских цивилизаций Американского университета в Каире и директор Центра исследований перевода. Недавно я встречался с ней в Каире, где она показала мне главы из готовящейся к публикации книги «Переводя египетскую революцию» – удивительные рассказы с Тахрира, подготовленные ей вместе со студентами. Я попросил Самию написать эту статью для ГД - МБ.

К моменту публикации этой статьи пройдет год с начала волнений в Египте (25 января 2011 г.), приведших к свержению президента Хосни Мубарака 11 февраля 2011 г. Восстание обещает во многих смыслах перекрыть будущее Египта, а также место страны в мире. Январские волнения – которые описываются в диапазоне от *thawra* (революция) до *inqilab* (переворот) – продолжают сопротивляться - и не поддаются, по крайней мере с точки зрения египтян, однозначной оценке. Однако одно остается определенным: 25 января 2011 г. и легендарные восемнадцать дней на Тахрире (не говоря о волнах же-

стоких конфронтаций, массовых демонстраций и упорных пикетов) обозначили начало новой исторической и символической жизни для Midan al-Tahrir (площади Тахрир), ставшей символом волнений в Египте и барометром национального восстания, во многом преобразившим – и продолжающим преобразовать – египтян.

После 25 января многих беспокоило то, что Мидан аль-Тахрир, где были убиты сотни, а ранены и задержаны тысячи, превратится в спектакль, чистый дисплей себя самой. Были опасения, что, по выражению Амра Шалаканы, площадь станет «местом, куда можно пойти «посмотреть» на революцию,

Транспарант на пл.Тахрир, посвященный годовщине Революции 25 января, призывающий к казни генерала Хусейна Тантави - слева; быв.президента Хосни Мубарака - в центре; быв. министра внутренних дел Хабиб ал-Адлия - справа. Под изображениями надпись: “Народное правление.” Фото М. Абаза.

Самира Ибрахим на декабрьском митинге в поддержку прав женщин в Каире, после победы в суде против военных, насильственно освидетельствовавших девственность женщин-заключенных

взглянуть на нее, почувствовать ее вкус, а потом пойти домой, в совершенно другое измерение». И действительно, люди приходили на Мидан аль-Тахрир «посмотреть на революцию», а кто-то продолжает делать это дома, сидя перед телевизором или в социальных сетях. Но благодаря процессу «наблюдения» (watching) многие зрители превратились в активных участников и преобразили этот «спектакль» в революционную деятельность, производящую новые субъективности.

В этом контексте «спектакль» не вытесняет политическую деятельность, а становится методом революционной мобилизации и радикализации. Действительно, успешные волны и «спектакли» египетских протестов, одновременно ликующих и жестоких – массово документированные и широко освещаемые – имеют драматичный и, судя по всему, продолжительный эффект. Египтяне выработали новые отношения с пространством (публичным и приватным, реальным и виртуальным). Они также обрели право собственности на свое тело и требуют реализации прав на свободу слова, как устного, так и письменного.

Более 30 лет режим Мубарака, который во многом продолжает воспроизводиться правящей военной хунтой в Египте и после января 2011 г., контролировал публичное пространство, политику и культуру. Этот контроль осуществлялся путем исполнения чрезвычайных законов, легитимирующих содержание под стражей, применение пыток и беспорядочную, но неослабевающую цензуру свободы выражения. Однако все это не

остановило борьбу за публичные пространства и мобилизацию массовых протестов.

Множественные «спектакли» египетских волнений обозначили драматический разрыв с политикой запугивания, проводимой режимом. Они сделали возможным начало бесстрашной эры для египтян, ныне продолжающих защищать отвоеванную свободу и право собственности на пространство, тело и язык через мириады творческих политических и культурных практик, семиотика, эстетика и поэтика которых вдохновили на протесты людей по всему миру. Эти «спектакли» - последний из которых состоялся в Тахрире в канун Нового года, первого в истории площади – послужили радикализации египтян и коллективной низовой мобилизации. Мобилизация продолжается, несмотря на огромную цену, заплаченную человеческими жизнями, и продолжающиеся контрреволюционные попытки правящего военного совета и его новых союзников, Мусульманского братства и салафитов, истощить движение и запугать египтян политиками страха и дискриминации. Революционные «спектакли» вызвали организацию «контрсспектаклей» -одновременно «сторонников» Мубарака и правящего ВСВС (Верховного Совета вооруженных сил), что только подтвердило силу первых и постановочный характер последних.

Изначально «сценарий» египетских волнений использовал, радикализировал и революционизировал ритуалы традиционного *mulid* – народного празднования рождения духовного божества, известные всем египтянам независимо

от их классовой принадлежности. За этот год *mulid* стал интегральной частью демонстраций на площади Тахрир. Этот ритуализированный, праздничный, прославляющий модус принес силу и закрепил рождение «Независимой республики Тахрир»; это театрализованное представление вывело на улицы миллионы египтян и продолжает воодушевлять демонстрации по всей стране. Одним из наиболее радикальных итогов «наблюдения» за революцией на Тахрире стало глубокое понимание того, что Тахрир (что означает «освобождение») - это не только физическое место, а коллективное состояние и сознание, в котором основные требования египетских волнений - 'ish, Huriya, 'adala igtima'i'ya (хлеб, свобода, социальная справедливость) – продолжают прирастать смыслами и интерпретациями. Информация о повторяющихся «спектаклях» жестокости ВСВС, как и отчеты о не столь видимых репрессиях и запугиваниях, регулярно появляются на частных спутниковых каналах и в социальных сетях, начиная с февраля прошлого года. В этих СМК публикуются свидетельства о таких акциях властей, как побои, казни на электрическом стуле, нанесение увечий протестующим, тесты на девственность, производимые над женщинами, арестованными за участие в протестах. Публика узнает о военных трибуналах для гражданских лиц, убийстве десятков коптских демонстрантов с помощью военной техники, рейдах в офисах НГО и средств массовой информации, преследованиях и арестах зарубежных репортеров, подтасовке избирательных бюллетеней, насилии над женщинами и т.д.

Продолжающиеся акты насилия разоблачили и дискредитировали зарождающийся было «роман» между армией и людьми. Теперь все больше египтян знают, что революция продолжается, и не только в Египте и в регионе, но и в других географических пространствах. Благодаря глобализованным переводам «спектаклей» Тахрира, на разных языках звучит призыв: народ требует свержения режима (*al-sha'b yurid isqat al-nidham*).

> ВЫЗОВЫ ФОРУМА МСА в Буэнос - Айресе: равноправная социология в борьбе с миром неравенства

Альберто Л. Бялаковски и Алисия И. Палермо, со-президенты организационного комитета Форума МСА, Буэнос-Айрес, Аргентина, 2012 г.

В настоящее время идет подготовка к форуму МСА, который состоится 1-4 августа в Буэнос-Айресе. С момента выбора Буэнос-Айреса в качестве места проведения форума этот аргентинский город центром глобального интеллектуального обмена в социальных науках. Это, возможно, самая значительная интеллектуальная встреча в Латинской Америке за последние десятилетия, имеющая столь глобальный масштаб. Интеллектуальный потенциал Латинской Америки хорошо известен, так же, как и ее литература; что касается признания критической, коллективной и преобразующей роли Латинской Америки, тут еще явно есть куда расти. Социологический форум предоставляет прекрасную возможность диалога и наведения межконтинентальных мостов, а также коллективного обсуждения научных и социальных проблем, волнующих как Юг, так и Север.

Мы бы хотели подчеркнуть три важных аспекта этого международного события: (1) его ключевую тему - «Социальная справедливость и демократизация»; (2) роль «субъектов» в производстве науч-

ного знания и социальной трансформации; (3) интеллектуальную структуру форума, которая фактически составляет его содержание.

Что касается первого, формулировка темы и информационного письма всегда предполагает обращение к отдельным специализациям и областям, а также ставит вопрос и о сквозных, объединяющих темах. Парадигма сложности (complexity) продвинула идею о продуктивности разных точек зрения на социальную реальность и позволила нам преодолеть такие дихотомии, как микро и макро, дисциплинарное и междисциплинарное. Можно рассматривать множественные уровни одной проблемы под разными углами зрения, пытаясь обогатить каждый уровень сам по себе и путем обмена между уровнями. Так, тема «социальной справедливости и демократизации» будет обсуждаться как в особых, конкретных областях, так и в пространстве их пересечений.

История социологии насыщена исследованиями справедливости и неравенства. Некоторые теоретические позиции в большей степени поддерживают существу-

ющее положение вещей, в то время как другие настроены более критично и ратуют за социальные перемены. Позиционирование категории власти как центральной для социологического анализа, однако, помогает сократить дистанцию между этими оппозициями. Иначе говоря, вся социология предполагает своего рода утопию и праксис биополитики, мотивирующий исследования и проникающий – пусть скрыто – в теоретические основания, их приложения и анализ, а также в процесс передачи знания.

В современном глобальном мире волны системного кризиса требуют новых интеллектуальных усилий для борьбы с социальной несправедливостью как между обществами, так и внутри них. Возрождение глобальной дискуссии по правам человека выводит на передний план противоречия между значительным прогрессом в научных и производительных силах с одной стороны, и их влиянием на социальное равенство с другой, между нашими отношениями с природой и нашим пониманием планетарной динамики. Попытки контролировать эти противоположные силы и обеспечить их хрупкий >>

баланс производят дискурс, который ставит под вопрос превосходство позитивистского подхода, подхода Просвещения – этот аргумент выдвинут Франкфуртской школой и развит сравнительно недавно авторами, принадлежащими к латиноамериканской традиции «критической и деколониальной мысли». Научный прогресс не гарантирует социальную справедливость или полное гражданское участие. Говоря метафорически, тектонические слои общества обнаруживают стойкость рабства, бедности, этнической или гендерной сегрегации, геноцида и экологического разрушения.

Без сомнения, демократизация работает не только на уровне отдельных обществ, но также в межкультурном пространстве, в отношениях между обществом и природой и даже между дисциплинами. При этом этноцентризм, антропоцентризм и множественные гегемонии являются проблемой не только исследуемых обществ, но и самого мира науки. Суммируя радикальную эпистемологическую критику латиноамериканской школы неозависимости (neo-dependency)», Сужата Патель (Patel 2010) пишет: «Такие теоретики, как Анибал Кихано, Энрике Дассел и Вальтер Миньоло, развивают аргумент, согласно которому универсализация, присущая социологической теории, является частью геополитики знания. Ключ к пониманию этого процесса – анализ современности (modernity) в ее отношении к социальной теории».

Иными словами, речь идет не только об анализе разных исследовательских предметов, но и о рассмотрении эпистемологических асимметрий и гегемонных теорий. Диалогичный подход новых подходов отрицает фиксированность асимметрий, укорененных в парадигме современности, исходя из идеи возможности преодоления этих оппозиций. Этот опыт подчеркивают и африканские исследователи. «Социология в Нигерии пережила трудные периоды. В настоящее время самой насущной проблемой для социологов в Нигерии, и в Африке в целом, остается развитие критической способности не только для анализа африканской социальной реальности, опирающе-

“самая значительная встреча в Латинской Америке за последние десятилетия”

гося на эндогенные модели, схватывающие природу парадоксов и напряжений в формирующейся социальной структуре, но также для объяснения движущих сил, порожденных этим процессом. Чтобы выполнить эту задачу, нам нужен парадигмальный сдвиг» (Onyeonori, 2010: 280).

На наш взгляд, подобные размышления выражают необходимость в новой диалогичной парадигме, предполагающей научный обмен, способствующий формированию новой «экологии знания» (De Sousa Santos, 2010). В контексте сменяющихся друг друга кризисов социологи могут обеспечить критику и разработать проекты изменений, для чего необходимо межкультурное понимание. Это, однако, не предполагает ни отказа от эндогенного (внутреннего, локализованного) мышления, ни прекращения широких дискуссий, дискуссий с планетарным горизонтом.

В мире социального неравенства и постоянного движения социологам есть, что предложить для объяснения и понимания этой реальности, а также для ее изменения. Глобальный кризис оказывает все большее влияние на самые широкие и разнообразные сегменты общества во всем многообразии контекстов. Мы можем предложить свою поддержку все более экспрессивным требованиям и протестам социальных групп, уже затронутых кризисом или рискующих попасть

под его влияние как на Глобальном Севере, так и на Глобальном Юге.

Отсюда возникает вопрос: может ли форум МСА 2012 ответить на вызовы современности? Без сомнения, как уникальная структура, может. Действительно, форум ставит своей целью стать инструментом диалога и пространством для совместного производства знания и углубления этой дискуссии. Как социальная и интеллектуальная сила – будучи симпозиумом и местом встречи – форум создает возможности продвижения глобального социального анализа через творческий обмен. Научная коммуникация в таком формате способствует развитию критического и рефлексивного сообщества и, следовательно, общего интеллекта, одновременно коллективного и публичного.

Мы готовы сделать все, чтобы форум стал насыщенной и по-братски равноправной площадкой. Совместными усилиями мы надеемся организовать дискуссию и обмен мнениями как внутри исследовательских комитетов, рабочих и тематических групп, так и между ними, на объединенных сессиях, пленарных заседаниях и публичных форумах.

Ссылки:

De Sousa Santos, B. (2010) Para descolonizar Occidente. Más allá del pensamiento abismal. Buenos Aires: CLACSO-Prometeo-UBA.

Onyeonori, I. P. (2010) “Challenges of Doing Sociology in a Globalizing South: Between Indigenization and Emergent Structures” Pp.268-281 in Michael Burawoy, Chang Mau-kuei, and Michelle Fei-yu Hsieh (eds.) Facing an Unequal World: Challenges for a Global Sociology (Volume I). Institute of Sociology, Academia Sinica, Taiwan, and Council of National Associations of the International Sociological Association.

Patel, S. (2010) “The Imperative and the Challenge of Diversity: Reconstructing Sociological Traditions in an Unequal World” Pp.48-60 in Michael Burawoy, Chang Mau-kuei, and Michelle Fei-yu Hsieh (eds.) Facing an Unequal World: Challenges for a Global Sociology (Volume I). Institute of Sociology, Academia Sinica, Taiwan, and Council of National Associations of the International Sociological Association. ■

> ПОЛЬСКИЕ МИГРАНТЫ

ТРАНСНАЦИОНАЛЫ С РЕСУРСАМИ ИЛИ ГОСТЕВЫЕ РАБОЧИЕ?

Ева Паленга-Мелленбек, Университет Франкфурта, Германия

Начиная с 1990-х годов в исследованиях миграции получил распространение новый подход. Если классическая парадигма рассматривает миграцию как событие, которое случается в жизни однажды и неизбежно приводит к ассимиляции в принимающее общество или к возвращению, исследования «транснациональной» миграции сосредоточены на способности мигрантов сохранять связи в более чем одном национальном обществе. Этот подход получил развитие на основании северо-американского опыта, однако подобные явления есть и в Европе. Одним из таких случаев является краткосрочная миграция из Верхней Силезии на территорию современной Польши, бывшей до Второй мировой войны польско-немецким приграничьем, играющим важную роль в формировании национальных политик двух стран.

Согласно принципу *ius sanguinis* (право крови), лежащего в основе немецкого закона о гражданстве, многие жители этого региона имеют право на немецкое гражданство (независимо от того, есть ли у них социальные или культурные связи с Германией), сохраняя при этом польское гражданство. С 1990-х гг. обладатели двойного гражданства использовали его как доступ к рынку труда Германии, до 2011 г. закрытому для польских граждан. Многие переехали жить в Германию, однако сотни тысяч предпочитают жить в Польше, ежедневно отправляясь на работу за границу. Так им удастся поддерживать уровень жизни, недостижимый при работе в Польше.

Связи Верхней Силезии и Германии имеют давнюю и памятную историю. На этом плакате, относящемся к периоду после Первой Мировой войны, Верхняя Силезия разрывается между Польшей (изображенной в облике бедной женщины с младенцем) и Германией (репрезентированной процветающей фабрикой и новыми деревенскими домами). До сих пор жители этой области находятся между двумя мирами.

Плакат хранится в: the Imperial War Museum, Лондон, ВБ.

>>

Случай двойного гражданства в Силезии показывает, что правовые привилегии не делают держателей обоих паспортов автоматически «транснационалами».

Хотя большинство таких граждан адаптировались к мобильному стилю жизни, это еще не означает, что они стали трансмигрантами в узком смысле этого слова – «людьми, принадлежащими одновременно к двум обществам». Также часто встречается другой тип мигранта, человека, который при постоянной мобильности не расширяет свои социальные сети в стране приема и поддерживает связи исключительно с отправляющим обществом.

Такая стратегия вызывает удивление. В конце концов, на первый взгляд мы ожидаем, что такие люди станут трансмигрантами благодаря культурному наследию (двуязычию, традиции миграций в этом регионе и пр.), правовым привилегиям (двойное гражданство) и, наконец, занятости в отрасли, связанной с миграцией (транснациональные компании, сервисы и проч.).

Однако реальность оказывается гораздо сложнее. С одной стороны, двойное гражданство предоставляет большой выбор возможностей – эти мигранты могут иметь полную или частичную занятость в Германии и при этом получать пенсию и образование (или иметь постоянную работу) в Польше. С точки зрения пространства для активности и возможностей карьерного роста их ситуация близка к той, в которой находятся «ассимилированные» немигранты Германии. С другой стороны, именно высокая степень защи-

щенности в Польше стимулирует постоянную миграцию (движение) и препятствует ассимиляции в принимающее сообщество.

Таким образом, эти люди оказываются на одном конце континуума миграционных стратегий, на другом конце которого – нелегальные мигранты, вынужденные ассимилироваться, чтобы избежать ареста и депортации. Плохое знание языка и немецкого общества делает этих «законных немецких» граждан полностью зависимыми от своих отправляющих кампаний. Как говорит менеджер группы мигрантов, «они знают, что есть кто-то, кто о них позаботится. (...) Они хотят работать, зарабатывать, больше ничего. (...) Они думают, что если у них будет красный (немецкий) паспорт, больше ничего и не надо, надо просто зарабатывать, и все».

Обладатели двойного гражданства, о которых шла речь выше, больше похожи на уязвимых гастарбайтеров 1950-х, чем на ресурсных деятельных субъектов, с одинаковой легкостью оперирующих в обоих национальных обществах.

При этом, ресурсные акторы среди силезских мигрантов все-таки есть – эти люди обладают необходимыми языковыми и профессиональными компетенциями, а также культурным и социальным капиталом, позволяющим легко менять позиции на рынке труда. Почему некоторые мигранты становятся ресурсными акторами, а другие остаются зависимыми «гастарбайтерами» – сложный вопрос, требующий отдельного рассмотрения. Один из факторов, работающих на укрепление стиля жизни «гостевых рабочих», - суще-

ствование индустрии транснациональной миграции, которая предлагает множество возможностей трудоустройства и поощряет мобильность, но при этом фактически берет жизнь мигранта в свои руки, ограничивая как возможности, так и необходимость прямого контакта с принимающим обществом.

Рост миграционной индустрии идет параллельно с еще одной важной тенденцией, наблюдаемой во всех индустриальных странах: уменьшение доли «стандартных трудовых отношений» в пользу временного найма. В среде силезских мигрантов доминирует частичная занятость или временная работа, зачастую в комбинации с другими непостоянными работами, обучением или даже постоянной работой в Польше.

Как и в других масштабных проектах социального развития, здесь также трудно определить причину и эффект, найти выигравших и проигравших. С одной стороны, непостоянная работа в Германии поощряет этот тип миграции, да и вообще делает его возможным, при этом усугубляя непостоянство и без того нестабильной мигрантской жизни. С другой стороны, в Польше, где переход от плановой к «пост-индустриальной» экономике произошел почти мгновенно, трансформировав рынок труда так, что краткосрочная миграция стала вариантом привлекательным и даже неизбежным, это явление получило еще большее распространение. Мы видим, что в современном мире миграция порождает множество удивительных образцов, не укладывающихся в старые модели ассимиляции. ■

> ЛОКАЛЬНЫЙ КОСМОПОЛИТИЗМ

Джеффри Александер, Йельский университет, быв. председатель ИК МСА по социальной теории (ИК 16 МСА), лауреат премии Фонда Маттея Догана в 2010 году

Перед вами две контрастирующие репрезентации природы, китайская и американская. Они не основаны на местном опыте и являются стилизациями космополитической и локальной традиции. Иными словами, искусство никогда не является объективным отражением природы, равно как и социология не является прозрачным отображением общества.

Дискуссия между Петром Штомпкой и Майклом Буравым очень плодотворна и имеет длинную историю. Эти два учёных – одни из лучших социологов-теоретиков в мире, но, как ни парадоксально, их диалог важен совсем не потому, что он полон новых идей. Напротив, расхождения Штомпки и Буравого во мнениях настолько же стары, как сама социальная мысль. И именно потому, что эти проблемы никуда не денутся, дискуссия между ними должна периодически заостряться и возобновляться.

Социология стремится к рациональности, универсализму и теоретической общности. Этими критериями обусловлены впечатляющие достижения естественных наук, однако, как объяснил Вильгельм Дильтей более

века назад, они не смогут стать более чем пределом устремлений для гуманитарных наук. Как и искусство, социология берёт начало в локальных условиях жизненного опыта и отображает их. Все это, однако, не означает, что социологические практики являются чисто локальными и самореференциальными.

Уникальный стиль живописи всегда формируется эстетическими традициями, выходящими за рамки стилей, в которых локальные усилия находят способ выражения. В императорском Китае такая внешняя стилизация пришла из так называемых классических традиций. В раннем западном модерне XIX века локальные европейские художники постоянно ссылались на то, что они называли совре-

менной (модерной) традицией. Те, кто хотел быть в национальном художественном авангарде, прилагал все усилия, чтобы скрестить локальные традиции с вненациональной эстетикой, всё более сосредотачивающейся в Париже; такие художники часто покидали свои национальные пространства, чтобы переехать жить в космополис – в сам Париж.

С социологией всё точно так же. Как и в случае с искусством, есть “локальные” социологии, вырастающие из попыток интерпретации социального опыта сообщества в определённом месте в определённое время. Американская, британская, французская и немецкая социологии не являются исключениями. Каждая имеет свои отличия, и каждое отличие отражает опыт времени и пространства, определяющий, что в данном случае наиболее необходимо знать социологу.

Изучая национальные социологии, мы многое узнаём об основных национальных проблемах, которые требуют интерпретации, о борьбе за власть на национальном уровне и о национально оспариваемых культурных значениях. Всё это мы можем узнать, разумеется, только если такие социологические работы переведены на небольшое количество относительно общемировых языков – либо посредством презентации на конференции, либо посредством публикации. Именно перевод на транслокальные языки позволяет накапливать знания о локальном и конкретном.

Однако, так же, как и искусство, локальные социологические достижения нелегко концептуализировать всего лишь как порождения определенного места и времени. Местные социологии едва ли являются аборигенными. Они опосредованы экстралокальными национальными интеллектуальными традициями и глобальными интеллектуальными и религиозными традициями, постоянно воспроизводящими региональные и

национальные идентичности на протяжении тысячелетий.

Несомненно существуют китайская, тайваньская, индийская, корейская, японская социологические традиции, и они представляют собой ценнейшие источники локальной мысли. Но эти достижения вряд ли являются отражением локальных условий! Местные социологи, проводящие эти исследования, сами вышли из глобализированных учебных заведений, были воспитаны как учёные на общерегиональной и международной классике, и воспринимают свои локальные сообщества с децентрализованной, космополитической точки зрения.

Именно “локальный космополитизм” приводит к тому, что каждый практикующий социолог, независимо от происхождения, ориентируется на внеперсональные стандарты достоверности, на критерии правдивости, выходящие за пределы его локальной институциональной принадлежности и социальной ситуации. Не будет большим преувеличением предположить, что каждый социолог ориентирован на рациональность. Никто не позволяет коллегам претендовать на истину только потому, что они с энтузиазмом обращаются к локальным проблемам, и, тем более, если они принадлежат к тому же обществу, которое изучают (африканскому, индийскому, американскому или китайскому). Социология рефлексивна именно потому, что децентрализована. Социология либо рефлексивна, либо вообще ничего собой не представляет.

То же самое с искусством. На протяжении большей части XIX века американская живопись была, по большому счёту, отрезана от европейских течений; гордое, но провинциальное американское искусство сегодня воспринимается как простоватое и наивное, и иногда ценится именно за это. В конце XIX века честолюбивые художники США стали путешествовать в Европу, чаще всего в Париж, а в первой половине XX века новые аме-

риканские космополиты начали производить специфичное, но всё же являющееся производным от французской школы, искусство. Лишь после Второй мировой войны, когда США стали выдающейся державой, американская живопись встала на собственный путь, став всемирно-исторической по праву. “Нью-йоркская школа” сформировала новую эстетику. Однако несмотря на то, что физически абстрактный экспрессионизм располагается в американском культурном центре, это направление едва ли можно рассматривать как нечто локальное, отражающее коренные американские традиции. Наоборот, оно обозначило расширение современной эстетики, которая была изобретена в Европе и на которую за 50 лет до этого критически повлияла японская, африканская и доколумбова аборигенная эстетическая тематика.

Такой же путь ожидает социологию. Нам повезло, что мы живём в том веке, когда необычайная модернизация позволяет незападным обществам бросить вызов западной гегемонии впервые примерно за 500 лет. Со временем процессы, происходящие в разнообразных современных обществах, бросят вызов не только западным экономическим достижениям и военной мощи, но и гегемонным социологическим теориям и методам. Но когда те самые китайские, индийские, корейские, южноафриканские или русские мыслители бросят западному наследию свои теоретические и методологические перчатки, они сделают это не как представители коренного населения. Их работы будут продуктами столетий интенсивной интеллектуальной глобализации.

Новые универсалии возникнут не в рамках партикулярных социологий. Ни в социологии, ни в искусстве нет ничего настоящего отдельного. Нет и истинных универсалий. Нет ни того, ни другого, и в то же время они есть. ■

> ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: Сообщество особого пути?

Пауло Энрике Мартинс, Федеральный университет Пернамбуко, Бразилия; президент
Латиноамериканской социологической ассоциации

Глобализация создаёт новые пространства для производства знаний, и эти пространства изменяют традиционное интеллектуальное разделение труда, где доминирующую роль играет Европа как привилегированный центр рефлексии по поводу современности. Некоторые авторы, к примеру, Арджун Аппадурай, утверждают, что “Третий мир” более не функционирует как фабрика данных для “Севера”, и, как следствие, “Север” потерял своё гегемонное положение как производителя идей для “Юга”. В этом новом свете глобализация представляется как множественность полей, конструирующих социологическое знание посредством сложных географических процессов, которые пересекают национальные границы, но не ликвидируют нации как локус производства знаний.

Если поразмышлять отдельно о Латинской Америке, то здесь глобализация знаний способствует важному сдвигу на уровне эпистемологических оснований академической социологии. Во время первого периода глобализации, между 1940-ми и 1980-ми годами, критическая мысль в основном представляла глобализацию как экономическую и политическую зависимость. Это

отражалось в двух главных направлениях мысли того времени. Первое из них – структурализм, вдохновлённый деятельностью Экономической комиссии по Латинской Америке и Карибскому бассейну (ЭКЛАК). ЭКЛАК – это учреждение, основанное в 1948 году с целью стимулирования

регионального экономического развития. Среди основных теоретиков структурализма были два экономиста, аргентинец Рауль Пребиш и бразилец Сельсу Фуртаду, провозглашавшие значимость государства как агента развития, нейтрализующего разрушительные условия междуна-

родной торговли, угрожающие странам, производящим сырьё. Не без участия ЭКЛАК началась дискуссия по поводу различия центра и периферии и будущего этих категорий. Второе течение – теория зависимости, разработанная такими авторами, как Теотониу дос Сантус, Р. М. Марини, Фернанду Энрике Кардозу, Энзо Фалетто и др. Она касалась политических аспектов анализа отношений центра и периферии, проводимого ЭКЛАК. Согласно этой теории, преодоление зависимости обусловлено отдельными союзами между национальной буржуазией, международной буржуазией и различных массовых социальных классов.

С 1980-х годов по настоящее время социология занимается интеграцией различных концепций глобализации. Неолибералы утверждают, что экономическая глобализация уничтожит различия между “центром” и “периферией”, приведёт к упадку национальных обществ и укреплению экономического, финансового, технологического и культурного единообразия. В дискурсе единообразия, сформированном абстрактными экономическими теориями, социология пренебрегает политикой и культурными различиями, при этом преувеличивает значение глобального потребления. Неолибералы считают, что дискурс зависимости утратил свою актуальность. С другой стороны, сторонники теорий пост-развития подвергают переосмыслению отношения зависимости, реорганизованные в формы колониальной власти и знания; эти подходы пересматривают противоречия между “богатыми” и “бедными обществами” в мировой системе.

Сторонники нового “колониализма” не считают возможным использование евроцентричных теорий без учёта социальных, экономических, политических, культурных и религиозных особенностей “южных” обществ. Эта вторая “постколониальная” тенденция латиноамериканской мысли не только осознаёт исторический конфликт колони-

“ОТНОШЕНИЯ ЗАВИСИМОСТИ РЕОРГАНИЗУЮТСЯ, ПРИОБРЕТАЯ ФОРМУ ‘КОЛОНИАЛИЗМА’”

ализма и антиколониализма, но и выявляет новые средства контроля и доминирования на глобальном уровне

Постколониальная теория Латинской Америки не воспринимает термины “колониализм” и “антиколониализм” как историческое наследие “Запада”. Для неё эти термины являются элементами когнитивно-лингвистической стратегии, которая укладывается в понятие “зоны контакта”, используемое Боавентурой де Соуза Сантушем и другими. “Зона контакта” необходима для понимания разнообразных опытов и идей внутри мировой системы. Колониализм и антиколониализм функционируют как две стороны зеркала глобализации – как два посредника при трансляции информации, образов и идей между “Севером” и “Югом”. Сторонники постколониальной теории утверждают, что глобализация предполагает сложный процесс трансляции, действующей на территории глобальных движений и форумов, в международном издательском деле и в международных ассоциациях, таких как ISA и ALAS (Латиноамериканская социологическая ассоциация). В этих контекстах существуют политический, моральный, эстетический, этический и лингвистический элементы, которые постепенно продвигают новые модальности обмена между различными центрами производства знаний. Новые теории колониализма получают все большее распространение, о чём говорит престиж таких латиноамериканских авторов, как Казанова, Кихано, Ландер, а также таких северных учёных, как Иммануил Валлерстайн.

Наконец, мы должны помнить, что постколониальные общества не подвергались воздействию униформных культурных, исторических и политических сил в рамках колониального процесса глобализации. Мы полагаем, что одной из особенностей академической социологии Латинской Америки являются разделяемые многими интеллектуалами

ожидания, что этот регион имеет все шансы стать обществом, имеющим свое назначение (destiny). Из этого ракурса можно заметить, что выражение “Латинская Америка” символически некорректно, так как оно делает акцент на лингвистическом сообществе, сформированном колониализмом, а именно, на “латинос”, исключая другие исторические значимые сообщества: аборигенное население, потомков рабов африканского происхождения, европейских иммигрантов, не имеющих латинских корней, и азиатов. Восприятие Латинской Америки как общества, следующего своим особым путем, – набирающая силу утопия, стимулирующая академический обмен и объединяющая региональную социологию. ■

> Плачевное состояние постсоветской социологии

Виктор Вахштайн, Московская школа социальных и экономических наук, Россия

Третий всероссийский социологический конгресс, 2008. Эхо советской эры

За последние годы интеллектуальное пространство российской социологии превратилось в поле брани. Кажется, что сегодня две из трех социологических работ - о самой социологии: социология социологии становится если не частью исследовательского мейнстрима, то, по крайней мере, излюбленной темой публичных дебатов. Распад Советского Союза и «необходимость исследовать социальную трансформацию» больше не являются единственными легитимными основаниями для исследований в социальных науках. Сейчас, когда постсоветское детство социальных наук закончилось, гиперрефлексивность, почти навязчивая, заместила десятилетия нерелективного мышления.

> Несоветский язык

Стоит оглянуться и посмотреть на ландшафт социологического языка до начала нынешних баталий. Третий Всероссийский социологический конгресс 2008 года - хорошая точка отсчета. На конгрессе выкристаллизовались несоветские языковые паттерны стилистического вакуума, например: «для стабильного развития общества необходимы высококачественные прикладные социологические исследования» или «[...] сегодня перед социологией стоит задача исследовать общественный запрос на социальные, физиологические, экономические, энергетические, синергические и другие формы безопасности». Рассмотрим, например, результаты

опроса, проведенного среди 2500 участников конгресса. Оказывается, что 73 % респондентов (около четверти участников) владеют иностранным языком со словарем; 40 % после 2000 г. работали в правительстве и столько же в бизнесе; 66 % читают главный журнал СоцИс; самым популярным оказался учебник под редакцией В. Добренькова и А. Кравченко; среди западных авторов наиболее часто упоминались Зигмунд Бауман и Петр Штомпка.

На вопрос об определении социологии самым популярным ответом оказалось «социология - это наука об обществе»; на вопрос, что такое общество, большинство опрошенных не ответили, а самым распространенным ответом стал: «общество >>

это социум». Такие тавтологии представляют собой семантику консерваторов, для которых социология – это социальная технология, нужная государству. Если теория и нужна, это должна быть российская теория, отвечающая российским запросам. На конгрессе раздавались обвинения в адрес «некоторых либеральных социологов», которым «платит Запад» за подстрекание к «оранжевым революциям». Конгресс продемонстрировал, что консолидированный, неосоветский, социологический язык находится в процессе становления и характеризуется определенными кодами, механизмами достижения понимания, разделенной аксиоматикой и логикой тавтологии.

> Антисоветский язык

Обратимся к альтернативным языкам социологии. Здесь нельзя не упомянуть о симпозиуме «Пути России», одном из самых заметных и регулярных событий в социальных науках в России на протяжении последних двух десятилетий. Обращаясь к опубликованным материалам симпозиума (1993-2008) можно проследить, как его «антисоветские» языковые коды и метафоры становились все более герметичными. Так, интересно отметить эволюцию понятия «трансформация», в частности, то, как оно преобразуется из концепции в метафору, описывающую в сущности все, что угодно. Так же, как и в неосоветском языке, здесь есть свои аксиоматические утверждения, принимаемые всеми и не требующие доказательств. Обозначим их.

В-первых, этот язык занимает критичную позицию по отношению к ригидному языку советской социологии и его наследницы – консервативной неосоветской двусмысленности. Во-вторых, принимает ясно проговоренные идеалы: социология должна служить прогрессу – гражданскому обществу, демократизации и либерализации. В-третьих, этот язык подчеркивает важность эмпирической работы, т.е. социографии, предлагающей квалифицированное описание «реальных проблем российского общества». Постоянная фиксация на «реальных проблемах общества» соответ-

ствует наивно-реалистичному взгляду на общество как объективную сущность с уникальными проблемами и недугами, предлагающими повестку исследователям. Подобно Галилео, полагавшему, что Книга Природы написана на языке математики, наивные реалисты убеждены в том, что Книга Общества должна быть написана на языке социологии, более того, на языке их социологии.

На протяжении пятнадцати лет публикации семантика «Путей России» претерпевала серьезные изменения. Начав с бурных дебатов о будущем России в середине 1990-х, к концу 1990-х гг. «Пути России» потеряли свой радикальный драйв, приняв «либеральную критику» режима. Все же, несмотря на эволюцию риторики, основной пафос не изменился, его можно суммировать во фразе «Все должно быть иначе». В 1990-е годы она звучала примерно так: «все еще изменится к лучшему», а 2000-е годы она трансформировалась и приобрела следующий смысл: «то, что происходит в обществе, в корне отличается от того, что должно быть».

> Постсоветская конвергенция

Если тавтология является главной формулой «неосоветских» языков, то парадокс служит формулой «антисоветских» языков, уделяющих внимание разрыву между тем, «что есть» и тем, «что должно быть». Мой главный тезис заключается в том, что между этими двумя языками нет различия – они оба глубоко советские по сути.

1. *Культура подозрения.* Обе формы социологического описания разделяют предположение, что «за любым знанием стоят политические интересы». Иначе говоря, что бы вы ни говорили, это не то, что вы думаете, и язык, который вы используете, отражает обслуживаемые вами политические интересы. Следовательно, любая теория рассматривается с точки зрения ее «результата», т.е. того, что она хочет достичь.

2. *Вовлеченность.* В неосоветском языке социология зависит от государства и исследования замещаются социальными технологиями, тогда как антисоветская семантика полагает, что наука служит интересам прогресса

– заметим, именно интересам прогресса, а не самой науки. Нет ни представления о «знании ради знания», ни веберовской идеи науки, основанной на собственных научных ценностях, где само знание является мотивацией. В обеих формах постсоветского мышления знание должно быть приспособлено под решение насущных проблем.

3. *Теоретический национализм, предполагающий эмбарго на импорт любого теоретического наследия «с Запада»,* если оно уже не укоренено в нашей почве. Слово «почва» определенно восходит к языку Третьего социологического конгресса. В языке «Путей России» есть другая живая метафора – «родные осины». Таким образом, антипатия к импортированным теоретическим идеям является общим знаменателем неосоветского и антисоветского методов описания.

4. *Отсутствие рефлексивности.* Всего несколько лет назад как «консерваторы», так и «либералы» отрицали методологическую рефлексивность. Они усматривали в ней «постмодернистскую девиацию», т.е. попытку отклониться от священного долга изучать «реальность такой, какой она в действительности является». Сегодня ситуация совершенно изменилась, и обе стороны погрязли в рефлексивности, что есть лишь еще одна чрезмерная реакция, тормозящая развитие российской социологии.

Конечно, эти две семантики, тавтологическая и парадоксальная, не покрывают весь постсоветский спектр социологических языков. Существуют и другие языки, но они возникли вне теоретического «мейнстрима» или за пределами МКАДа (например, в Санкт-Петербурге). В то время как во всем мире защитники социоанализа, рамочного анализа, феноменологии и этнометодологии сражаются за научное превосходство, в российской социологии консерваторы и либералы ведут социологический разговор, который мало отличается от политически детерминированного журнализма. ■

> Социология маори в Новой Зеландии

Трейси Макинтош, Оклендский университет, Новая Зеландия

Новая Зеландия – страна поселенцев; она постоянно сталкивается со своим колониальным прошлым. Поэтому социология Новой Зеландии нацелена на то, чтобы критически анализировать воспроизводство привилегий и деприваций, касающихся коренного (маори) и некоренного населения страны. Как социолог с корнями маори, сферу личных и научных интересов которого представляют исследования маори, я считаю, что социологии предстоит сделать большой вклад в кросскультурные исследования, направленные на достижение социальной справедливости. В Новой Зеландии относительно мало социологов-маори, и значительное количество исследователей некоренного происхождения, научные интересы которых сосредоточены вокруг опыта маори. Исторический опыт колонизации маори, их современной маргинализации, депривации и малочисленности показывают, что этническая идентичность маори находится в состоянии борьбы и сопротивления. Как *tangata whenua* (люди земли, коренной народ), маори считают своё социальное положение в новозеландском обществе несправедливым. Маори находятся в топе всех негативных социальных показателей, и в то же время им приходится противостоят политической и популистской риторике, преувеличивающей их скромные достижения как коренного народа, имеющего свои права. Политическая борьба маори имела своей целью возврат земли и ресурсов, незаконно отчуждённых в прошлом (часто в очень недавнем прошлом). Успешное разрешение некоторых актуальных проблем привело к тому, что все аспекты жизни маори стали политизированы и подвержены критике. Бесспорно, существуют огромные социальные различия между маори и не-маори. Углублённое исследование ситуации показывает,

что маори ощущают неравенство с самого рождения. Ребёнок-маори с меньшей вероятностью будет получать дошкольное образование. Младенец-маори умрёт с большей вероятностью, чем не-маори. Детей-маори гораздо чаще исключают из школы, тем самым уменьшая их суммарные образовательные достижения и повышая вероятность преступности среди несовершеннолетних. Показатели безработицы среди маори значительно выше, чем у не-маори, а уровень дохода несравненно ниже. Маори с гораздо большей вероятностью будут нуждаться в поддержке со стороны государства и зависеть от государственных субсидий. Многие маори живут в неблагоприятных условиях и в среднем имеют худшее состояние физического и психического здоровья, чем не-маори. Невыгодное положение маори на социальной лестнице яснее всего выражается в системе уголовного судопроизводства. Непропорционально много маори как среди жертв, так и среди преступников; при том, что эта этническая группа составляет 15% населения Новой Зеландии, более 50% тюремных заключённых – именно маори. Для слишком большого количества маори жизнь тесно связана с безработицей, болезнями, нездоровыми психическими состояниями, бедностью и тюрьмой. С 1970-х значимость и легитимность культуры маори в новозеландском обществе существенно возросли, однако, при всём проявлении уважения к нашей культуре и нашему языку, нельзя сказать, что этот процесс возрождения сильно затронул социальную сторону вопроса маори.

Социологические исследования могут сыграть важную роль при рассмотрении этих вопросов. Эффективность социологии наиболее ярко проявляется в исследованиях, которые опираются на разнообразные исследовательские традиции и получают широкое

распространение. Эти исследования необходимы, чтобы не замалчивать, а обсуждать вопросы власти. Мы исходим из того, что отношения власти пронизывают процесс исследования от первичных инвестиций до исследовательской работы, привлечения участников, осуществления плана и распространения результатов. Тем не менее, фокус на вопросах социальной справедливости выявляет проблемы и возможности, с которыми могут столкнуться участники исследований (социологи и информанты) в ходе своей работы.

В заключение я хочу упомянуть о кросскультурных вопросах исследований маори. В настоящее время есть исследования, которые от начала до конца ведут учёные-маори, но в них играют существенную роль учёные-не-маори, особенно когда они готовы отказаться от традиционного способа проведения исследований и работать в рамках контекста культуры маори. До недавнего времени сообщество маори не получало пользы от основной массы исследований, так как последние рассматривали маори сквозь призму недостатков. Сегодня академическое сообщество и сообщество маори в основном признают преимуществами совместных мультикультурных исследований, однако есть исследователи, которые исходят из методологии “маори для маори”. Члены непривилегированных социальных групп были вынуждены неформальным образом изучать доминирующие группы в течение всей своей жизни, чтобы научиться выживать в доминантных пространствах.

Посредством сотрудничества мы можем не только рассказать исследователям не-маори о самих себе, но и, возможно, дать им убедительную информацию о них самих. ■

> О «новой бедности» В ПОСТСОВЕТСКОЙ Армении

Геворг Погосян, Директор Института философии, социологии и права Армянской Академии наук, президент Армянской социологической ассоциации

Социальные трансформации конца XX века, следовавшие за развалом СССР, ознаменовали начало новой исторической эпохи. Постсоветские страны, вовлеченные в процесс социальной модернизации, прошли через серьезные трудности развития. «Откат модернизации» (modernization rebound) и деиндустриализация стали общим этапом постсоветского развития. Проблема состоит в исключении этнокультурных процессов из моделей модернизации.

В случае Армении модернизационный «откат» вылился в глубокую деиндустриализацию, воплотившуюся в архаичных формах экономической деятельности особенно в сфере сельского хозяйства (Poghosyan 2005). Постсоветская приватизация завершилась концентрацией собственности в руках меньшинства частных собственников и крайним обеднением и слаборазвитостью среднего класса (Poghosyan 2003).

Трансформация структуры современного армянского общества, не закончившаяся и по сей день, привела к серьезным переменам. На основании национального социологического опроса мы разработали следующую модель (Poghosyan 2005):

- Высшая страта: политические и экономические элиты, владельцы крупной собственности, олигархи (5-7 % населения);
- Средняя страта: мелкие бизнесмены и предприниматели,

высокооплачиваемые профессионалы, государственные функционеры и управленцы (10-12 %);

- Большинство: офисные работники, работники сферы услуг, крестьяне, интеллектуалы, пенсионеры, работники торговли, временно безработные (65 %);

- Социальное «дно»: бездомные, безработные, проститутки, социальные «проигравшие» (15 %)

Армянское общество стало «многоуровневым», с возрастающими различиями в уровнях жизни, разделяющими разные социальные страты. Началась маргинализация крупных сегментов населения, особенно вследствие безработицы. Феномен, который я называю «новой бедностью», является результатом реформ и разрушения прежней экономической системы, а не следствием некой унаследованной культурной дезорганизации общества. В советское время такого рода бедности не существовало.

Более того, эта «новая бедность» не имеет ничего общего с массовой бедностью стран Третьего мира, характеризующейся нищетой и страданием, безграмотностью, высокой детской смертностью и антисанитарией. Ни одно из этих условий не относится к явлению постсоветской «новой бедности», поражающей население с высоким уровнем образования, функционирующей системой здравоохранения и хо-

рошими условиями жизни. «Новая бедность» касается тех, кто имел весьма удовлетворительный уровень жизни в прошлом, например, рабочих, служащих, интеллигенцию, пенсионеров и домохозяек. Такая же «новая бедность» вследствие глобального финансового кризиса наблюдается и в некоторых странах Европейского Союза и США.

Традиционные стратегии борьбы с бедностью, разработанные на основе опыта стран Третьего мира, в этих случаях, как правило, не работают. Нам нужны новые концепции и стратегии преодоления новой бедности, принимающие во внимание этнокультурные особенности каждой страны. В случае Армении, обладающей экономически активным, образованным населением и высоким уровнем инвестиционного потенциала со стороны армянской диаспоры, решение может заключаться в быстром развитии малого и среднего бизнеса.

Источники:

Poghosyan, G. 2003 Armenian Society in Transformation. Yerevan, Armenia: Lusabats [Russian].

_____. 2005 Current Armenian Society: Peculiarities of Transformation. Moscow: Academia [Russian] ■

> АКТИВНАЯ ЖИЗНЬ

Current Sociology

Дженнифер Платт, Университет Сассекса, ВБ, вице-президент МСП по публикациям, 2010-2014, и Элоиза Мартин, Федеральный Университет Рио де Жанейро, Бразилия, редактор журнала МСА "Current Sociology".

Давний доклад о трендах социальной мобильности, опубликованный в *Current Sociology* в конце 1960х, все еще широко цитируется.

Current Sociology — один из старейших социологических журналов: в этом году он отмечает свое 60-летие. Его история может многое рассказать о международном развитии социологии с 1950-х годов. МСА была основана на базе ЮНЕСКО, и журнал начинался как предприятие ЮНЕСКО, когда в 1957 г. Том Боттомор стал исполнительным секретарем МСА и взял на себя функцию редактора. (В 1973 г. Маргарет Арчер стала первым редактором, не занимающим одновременно еще одну позицию в структуре МСА). На ранних стадиях основой миссией журнала было обеспечение общей библиографии выходящих работ по социологии; поле тогда было достаточно небольшим и задача была вполне осуществима. Рубрики библиографии включали, к примеру, такие названия, как «Социология примитивных и неразвитых народов», отражая приоритеты деятельности ЮНЕСКО и актуальный «сравнительный» подход, противопоставляющий неиндустриализированные и индустриальные общества.

Очень скоро, однако, акцент сместился в сторону библиографии отдельных тематических областей, таких как социология религии, науки, политики или об-

>>

разования, сопровождаемой «отчетом о тенденции» для каждой области, часто за авторством известных ученых того времени. Эти отчеты были ценным и пользующимся большой популярностью источником. Наверное, самым известным из них стал обзор С.М. Миллера Сравнительная социальная мобильность (1960), сопоставивший результаты сделанных на тот момент исследований социальной мобильности и предложивший некоторые общие выводы. Google Scholar выдает 253 ссылки на этот текст, и некоторые из которых совсем свежие.

В 1963г. стали выходить тематические номера исследовательских комитетов; первым стал выпуск по социологии семьи; в 1990-е они были выделены в отдельную серию монографий (Current Sociology Monographs). С самого начала некоторые номера были ограничены одной географической областью, хотя из названий не всегда понятно, определяет ли область тему или только страну, где проводилось упомянутое исследование; позже стали выходить номера с национальными обзорами: Скандинавская Социология (1977), Англо-канадская Социология (1986) и т.д. В 1997г. стало ясно, что обзоры трендов уже не столь актуальны, ибо появилась масса других источников информации. В бытность Сюзан МакДаниель на посту редактора журнал претерпел «перезагрузку» по более конвенци-

ональной модели реферируемого журнала с фокусом на новых тенденциях и противоречиях социологических исследований. При этом продолжали публиковаться обзоры актуальных трендов по отдельным областям, концепциям, теориям и методам с расчетом на самую широкую международную аудиторию.

Деннис Смит, работавший редактором с 2002 по 2010 г, продолжил начинания Сюзан. За время восьмилетней работы он, бесспорно, оставил на журнале личный след, привнося свежий взгляд на новые академические требования. При его редакторстве журнал был принят в список ISI и уже добился высокого места в рейтинге. Кроме того, благодаря способности Денниса прочитывать скрытые исследовательские повестки в представленных к публикации работах, было создано пространство, в котором поставленные вопросы могли стать предметом критической дискуссии. Это было сделано в том числе благодаря организации диалога, позволяющего авторам и критикам вступать в дискуссию по множеству тем.

Current Sociology всегда принимал статьи на официальных языках МСА: английском, французском и испанском, а сейчас, благодаря инициативе Комитета по публикациям, чтобы помочь с публикацией тем, кому трудно писать по-английски, принимает работы практически на любом

языке. Для исследователей, работающих за пределами англоязычного мира – особенно для живущих в периферийных странах – это уникальная возможность поделиться своими трудами с международной аудиторией. В 2010 г. редактором стала Элоиза Мартин. Впервые журналом будет руководить ученый-неанглофон из нецентральной академической организации. Это отражает изменения в членстве МСА, ныне охватывающем социологов всего мира, и ставит новые вопросы для развития журнала в будущем.

Сегодня все университеты мира, похоже, озабочены одним: публиковаться или погибнуть. Финансирование, поддержка проекта и престиж – все зависит от количества публикаций исследователя и от рейтинга журнала, публикующего работу. В этом контексте (и несмотря на него) *Current Sociology* стремится фокусироваться на традиции диалога, где размышления исследователя могут стать доступными для дискуссии, критики и совершенствования и где внимательное чтение работ коллегами создает ситуацию интеллектуального обмена. В таких диалогах мы можем обрести новые эвристические инструменты, позволяющие понять локальные реалии, одновременно рассматривая социологию как несомненно глобальный проект. ■

> Глобальная аудитория

Лариса Титаренко, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, и Крэг Б. Литтл, Государственный Нью-Йоркский Университет в Кортланде, США

Профессора Лариса Титаренко и Крэг Литтл, архитекторы новаторского международного сотрудничества в сфере образования

Новое общество знания основано, главным образом, на коммуникационных Интернет-технологиях (КИТ). Новые КИТ, усложняя нашу жизнь, предоставляют нам неограниченные возможности. В сфере образования КИТ позволяют распространять по миру электронные книги и другие тексты и преподавать интерактивно. В публичной сфере КИТ дает возможность передавать информацию в форумах и социальных сетях, невзирая на географическую дистанцию.

Студенты в виртуальной аудитории разделены физическим пространством, но, изучая один и тот же материал и обсуждая его в открытой манере, символически связаны участием в одной практической работе. В отличие от традиционного курса, виртуальный курс позволяет студентам входить и выходить в любое время, 24 часа 7 дней в неделю, при этом сохраняя через киберпространство чувство причастности к общему процессу.

> Интерактивное сотрудничество

В образовании Интернет-инструменты обычно используются с традиционными целями: научить студентов, где найти полезную информацию, как лучше всего ее использовать, как эффективно исследовать и т.п. В дистанционном образовании, особенно в социальных науках, электронные интерактивные инструменты помогают вовлечь студента в образовательный процесс, не зависимо от физической близости к определенному колледжу или друг другу. Дистанционное обучение – способ обучать студентов из разных городов, деревень, регионов и даже стран всех вместе, как если бы они были слушателями одного физического уникального курса. Таким образом, виртуальная аудитория невидима, но очень реальна. В ней участники вдохновляют друг друга, сохраняя интеллектуальный контакт, дискутируя и обмениваясь мнениями, выполняя совместные задания и т.п.

В обоих случаях – в традиционной аудитории и в новых, созданных КИТ – студенты и преподаватели совместно участвуют в производстве знания. В новой КИТ аудитории студенты чувствуют себя причастными к процессу обучения, могут предлагать свои идеи и, следовательно, их знание становится личностным или, скорее, межличностным (интерсубъективным): знание производится не только на основе прочитанных книг, но и в интерактивной коммуникации. Не видя рядом инструктора, они чувствуют себя более независимо и свободнее выражают свое мнение.

Таким образом, одним из достоинств новых КИТ в высшем образовании является возможность создавать партнерские, международные, интерактивные образовательные пространства связанных на глобальном уровне студентов и профессоров. В виртуальном курсе студенты из разных колледжей и стран могут изучать предмет вместе, общаясь друг с другом в Интернете. В дистанционном классе студентам предлагают участвовать в диалоге так долго, как им хочется. Также они выполняют задания (обычно для проверки знания заданных текстов) и сдают их через выбранную систему управления обучением. Объем работы в международном дистанционном курсе довольно большой как для преподавателей, так и для студентов, но и мотивация также велика, в силу возможности работать в своем темпе, личной ответственности за результат и удовольствия от общения с коллегами из разных стран. Для профессоров самая важная награда – помогать своим студентам учиться с коллегами (и у коллег) из других стран. Виртуальный диалог – лишь одно из многих типичных заданий, но для студентов как граждан глобального общества знания, возможно, самый интересный.

Нас связывает десятилетний опыт преподавания международных дистанционных курсов; мы организовали за это время шесть потоков. Обратная связь студентов была более позитивной, чем в традиционном курсе по тому же предмету (социальный контроль), преподаваемом в SUNY (Государственный университет Нью-Йорка), Кортланд. Инструкторы виртуального курса – профессор Крэг Литтл, США, и профессор Лариса Титаренко, Беларусь – впервые встретились в Болгарии на международной конференции Альянса университетов по демократии (AUDEM) в 2001 г. Мы оба были поражены новыми Интернет-технологиями, представленными на конференции, и немедленно решили сотрудничать в организации международного дистанционного курса для расширения горизонта наших студентов в социологии, межкультурной коммуникации и методах сравнительного анализа. Каждый раз на курс записывались от 18 до 25 студентов, преимущественно со специализацией по социологии. Этот курс преподавался несколько раз с участием трех университетов (включая Московский государственный университет с д-ром Миррой Бергельсон) и студентов из Университета Гриффит (Брисбен, Австралия), где профессор Крэг Литтл преподавал несколькими годами раньше.

>>

Итак, говоря о международной виртуальной аудитории, мы имеем в виду уникальный курс, состоящий из студентов из двух или более стран: в нашем случае США, Беларусь, Австралия и Россия. Примерно две трети студентов были из стран, где английский – родной язык. Для меньшей группы студентов из Беларуси участие было втрое сложней задачей: учиться на английском языке, знакомиться с новым полем социологии (социальный контроль), не преподаваемом в белорусском государственном университете и учиться в виртуальной международной аудитории, ставящей обучающегося в центр процесса обучения. Многие белорусские студенты ни разу не бывали за границей и приобретали уникальное знание молодежной культуры стран, которые, возможно, никогда не посетят. Но поскольку американские и австралийские студенты тоже никогда не были ни в Беларуси, ни в любой другой посткоммунистической стране (и большинство также никогда не бывали и в Европе), для них это тоже было вдвойне интересно.

На наших виртуальных курсах студенты учились по трем специализированным учебникам, виртуальным минилекциям, подготовленным профессорами, и дополнительным заданиям, основанным на электронных статьях. В студенческих дискуссиях формулировались вопросы, обсуждались темы, почерпнутые из литературы, а также текущие события в мире. Все это помогало понять другие культуры, исторические контексты и разнообразие подходов к социальному контролю в мире.

Мы преподавали этот виртуальный курс несколько раз с повторяющимся успехом. В конце все студенты подтвердили, что многому научились из книг и, особенно, из межличностного интерактивного общения. В оценках преподавания они отмечали, что получили уникальную информацию из первых рук о каждой стране, могли свободно задавать вопросы и не испытывали привычных проблем, таких, как нехватка времени в конце урока, скованность физическим присутствием инструктора или недостаток времени для общения.

На наших виртуальных курсах студенты учились по трем специализированным учебникам, виртуальным минилекциям, подготовленными профессорами, и дополнительным заданиям, основанных на электронных статьях. В студенческих дискуссиях участники задавали друг другу вопросы, обсуждали темы, почерпнутые из литературы, и текущие события в мире. Все это помогало понять другие культуры, исторические контексты и разнообразие подходов к социальному контролю в мире.

Мы преподавали этот виртуальный курс несколько раз с повторяющимся успехом. В конце все студенты подтвердили, что многому научились из книг и, особенно, из межличностного интерактивного общения. В оценках преподавания они отмечали, что получили уникальную информацию из первых рук о каждой стране, могли свободно задавать вопросы и не испытывали привычных проблем, таких, как нехватка времени в конце урока, скованность физическим присутствием инструктора или недостаток времени для общения.

Наша педагогическая философия восходит к подходу Дьюи, ставящего студента в центр процесса обучения. Студентам предлагали обсуждать в интерактивном режиме множество практических ситуаций, таких как проведение в жизнь местных законов, криминальные случаи, подходы к наказанию, нарушение прав и т.п. Обычно они обсуждали ситуацию «как есть» и старались понять, какие могут быть решения, почему такое решение было применено в определенной стране и т.п. Идеей было не выбрать какое-то «лучшее» решение, но позволить студентам активно участвовать в дискуссии, творчески подходить к аргументированию и сравнению разных подходов. Например, изучая разные системы социального контроля в таких странах как Россия, США, Швеция или Австралия, они могли сравнить эффективность разных систем на основании статистики преступлений, стоимости для общества альтернативных подходов к наказанию, показателей рецидивизма и т.д. Мы также сравнивали системы социального контроля в трех исторических периодах: премодерна, модерна и постмодерна. Студенты должны были работать по трем учебникам и сообщать о прогрессе online, выполняя короткие регулярные упражнения, сдавая эссе, участвуя в групповой работе и интерактивных дискуссиях. Наша дидактическая платформа была предоставлена обучающей сетью Университета Нью-Йорка и является стандартной системой управления обучением (Blackboard Learning Management System), предоставленной Университетом Нью-Йорка в Кортланде.

Дистанционное обучение стало уникальным опытом для всех учащихся, но особенно для студентов из Беларуси. В условиях экономического и политического кризиса и ограниченного доступа к литературе на английском языке, дистанционный курс предоставляет молодым людям прекрасную возможность учиться наравне с западными коллегами. По нашему убеждению, применение КИТ частично преодолело дихотомию «центр-периферия», поскольку студенты подходили к заданиям и дискуссиям с искренней установкой на равенство, что нами всячески поощрялось. Студентом разрешалось предлагать аргументы из любых теорий и защищать любую свою позицию, с условием, что она уважительна по отношению к остальным. В этом смысле партнерский, международный опыт дистанционного обучения также был уроком демократии и прав человека.

Таким образом, наш опыт партнерского интерактивного международного обучения подтвердил, что использование КИТ в высшем образовании имеет огромный потенциал, особенно для студентов из отдаленных и политически изолированных мест и стран. Это способ углубить и расширить знания, опыт и представления о мире студентов и, следовательно, увеличить их личный человеческий капитал.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Более подробное описание курса см. Craig B. Little, Larissa Titarenko and Mira Bergelson (2005), "Creating a Successful International Distance Learning Classroom." *Teaching Sociology* 33(4): 355-370.

(2) Материалы для разработки курса доступны на сайте Collaborative Online International Learning (COIL) <http://coilcenter.purchase.edu>. По другим техническим вопросам обращайтесь, пожалуйста, к Крэгу Литтлу (Craig Little) Craig.Little@cortland.edu ■

> НАЦИОНАЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ В ПРОИГРЫШЕ:

НЕОБХОДИМО ИЗМЕНИТЬ ПРАВИЛА ГОЛОСОВАНИЯ В МСА

Роберто Чиприани, Университет Roma Tre, Италия, президент Совета национальных ассоциаций Европейской социологической ассоциации

На Мировом конгрессе в Брисбене 2002 г. МСА сделала гигантский шаг вперед, приняв решение о выборах вице-президента по национальным ассоциациям. Однако процедурные нормы писались как-то второпях, с понятным намерением немедленно открыть позицию. Не перенося голосование на следующий конгресс (в Дурбане) делегаты избрали первым вице-президентом по национальным ассоциациям Суджату Пател из Индии, которую в 2006 г. в Дурбане на этом посту сменил Майкл Буравой - англичанин, работающий в США, а его, в свою очередь, Тина Уйс из Южной Африки, избранная в Гетеборге в 2010 г. Все три социолога, выбранные до сих пор, были достойны этой позиции и прекрасно делали свое дело.

Их избрание отразило мнение широкого электората, Ассамблеи Советов, в которую входят Совет по национальным ассоциациям (СНА), включающий по одному представителю от каждой национальной ассоциации, и Исследовательский совет (ИС), сформированный из представителей исследовательских комитетов (по одному от каждого). На данный момент у нас равное число национальных ассоциаций и исследовательских комитетов - 55. Поскольку представительство последних на мировых конгрессах, где происходит голосование, больше, чем первых, налицо фундаментальный дисбаланс. Если мы посмотрим на данные первых пяти выборов, то увидим, что электорат разделен следующим образом: Гетеборг 2010 (42 СНА + 47 ИС); Дурбан 2006 (35 СНА + 45 ИС); Брисбен 2002 (30 СНА + 44 ИС); Монреаль 1998 (38 СНА + 41 ИС); Билефельд 1994 (43 СНА + 46 ИС). Следовательно, исследовательские комитеты могут иметь решающий голос в выборах вице-президента по национальным ассоциациям, в то время как национальные ассоциации не имеют того же влияния на выборах вице-президента по исследованиям.

Кроме того, необходимо принимать во внимание, что в течение четырех лет между конгрессами президенты национальных ассоциаций могут меняться, и не единожды, в то время как президент исследовательского комитета находится на позиции обычно четыре года, что обеспечивает большую стабильность и последовательность. Это позволяет президентам исследовательских комитетов лучше узнать друг друга и, следовательно, укрепить взаимные связи на благо сотрудничества. В то же время национальные ассоциации переживают частые перемены, и на встрече в середине срока (помогающей выстроить более близкие отношения) зачастую присутствуют совсем не те, кто встречается на выборах во время конгресса.

По этим причинам кандидат на пост вице-президента по национальным ассоциациям, даже при поддержке самих национальных ассоциаций, может проиграть в пользу кандидата исследовательских комитетов, поскольку, как уже сказано, они в итоге участвуют в выборах не только вице-президента по исследованиям, но и вице-президента по национальным ассоциациям.

Следовательно, было бы более корректным и демократичным разрешить национальным ассоциациям составить исключительный электорат для своего вице-президента, а исследовательским комитетам - соответственно, для своего. Унитарной природе Международной социологической ассоциации вполне отвечают выборы президента и других вице-президентов (по финансам, публикациям и программам). Соответственно, изменение процедуры выборов вице-президентов по национальным ассоциациям и исследованиям было бы правильным и полезным. ■

> ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЯПОНСКУЮ РЕДАКЦИОННУЮ КОМАНДУ

Ниже представлена редакционная группа из Японии, которая переводит ГД на свой родной язык

Мы, члены японской региональной редакции с удовольствием представляемся международной аудитории “Глобального диалога”. Мы выражаем благодарность профессору Буравому и всем создателям ГД за то, что они делятся с нами своим опытом и взглядами на события и острые проблемы современной жизни и истории. Мы надеемся встретить всех вас на Конгрессе МСА в Йокогаме в 2014 году и поделиться своим опытом в возрождающейся после катастрофы Японии!

Мари ШИБА (главный редактор), магистр образования, Бостонский университет, обучала детей с разным социальным происхождением в Бостоне. Аспирантка факультета социологии Университета Нагоя и член ИК31 (Социология миграции). Ее исследование посвящено международной адаптации детей в США и Швеции.

Ютака ИВАДИТЕ - аспирант факультета социальных наук Университета Хитоцубаши, Токио. Исследует социальные пространства, конструируемые повседневными практиками молодых рабочих, которые борются с (пост)неолиберальными городскими ситуациями.

Казухиса НИШИХАРА (супервизор редакции), профессор социологии в Университете Нагоя, президент Общества социальной теории Японии. Исследовательские интересы включают социологическую теорию, в особенности, феноменологическую теорию глобализации. В настоящее время изучает миграцию в Восточной Азии, а именно иностранных сельскохозяйственных рабочих в Японии.

Мичико САМБЕ получила первую степень в Университете Киото, в настоящее время работает над диссертацией в Университете Очаномизу, где она стала магистром социальных наук. Ее исследование посвящено отношениям представителей сексуальных меньшинств с их гетеросексуальными родителями.

Ю ФУКУДА - аспирант факультета социологии Университета Куансей Гакуин. Занимается социологией религии и коллективной памятью. Проводил полевые исследования ритуалов после массовых катастроф, напр. меморальных церемоний в память о жертвах атомных взрывов и землетрясений.

Такако САТО - ВА по международным исследованиям мира и испанскому языку университета Wisconsin-Superior; в настоящее время аспирантка по социологии в университете Хоккайдо. Исследует миграционную политику США и социальные сети недокументированных мигрантов.

Косукэ Химено - аспирант университета Токио, изучает социологию села, проводит полевые исследования с целью предотвращения депопуляции деревень в префектуре Нагано и сохранения их культуры. Считает честью для себя быть членом японской редакционной группы ГД!

Д-р. Йошия ШИОТАНИ занимается исследованиями социальной стратификации и неравенства в Университете Тохоку. Недавно провел социологический опрос пострадавших от Великого землетрясения в Восточной Японии. Анализирует отношение пострадавших к оказываемой им социальной помощи в связи с их душевным здоровьем.

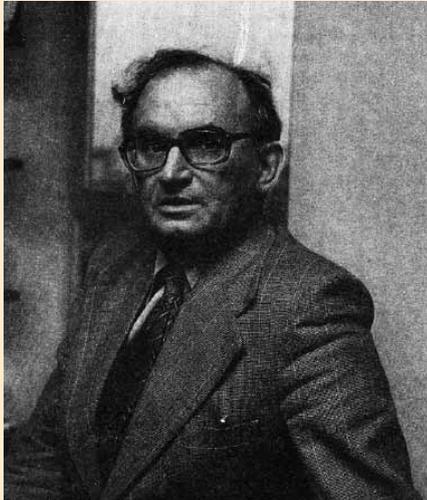
Казухиро ИКЕДА закончил аспирантуру по социологии Токийского университета в 2005г., работает исследователем (postdoc) в Софийском университете Токио. Сотрудник международного исследовательского проекта «Сравнение политик по вопросам изменения климата» (COMPN) и член ИК МСА 24 (окружающая среда и социология).

Томохиро ТАКАМИ - аспирант факультета социологии Токийского университета; исследователь Японского Общества взаимодействия развитию науки. Основная тема исследований: автономия рабочих, в особенности вопрос «длинного рабочего дня» в Японии.

> Джон Рекс скончался в возрасте 86 лет

Салли Томлинсон, Университет Оксфорда, ВБ, и Роберт Мур, Университет Ливерпуля, ВБ

Джон Рекс – автор основополагающих работ в области социальной теории и расовых отношений.

Джон Рекс скончался 18 декабря 2011 г. Его будут помнить как человека большой увлеченности и энергии и выдающегося интеллектуала, поднявшего социологию на новые научные высоты. Он родился в Южной Африке в городе Порт Элизабет и во время Второй мировой войны в возрасте 18 лет вступил в ряды Королевского флота. По возвращении в Южную Африку, убежденный в несправедливости апартеида, он начал изучать теологию, позднее переключившись на социологию и философию. Джон преподавал в школе бывшей Родезии, но недолго, ибо за поддержку движения против апартеида оказался в рядах «нежелательных» и был выслан из страны. Защитив докторскую диссертацию в Университете Лидса, Джон преподавал в Лидсе до 1962 г., после чего два года работал в Бирмингемском университете, а далее стал профессором-учредителем двух успешных социологических факультетов, в Дурхамском университете в 1964 г. и Университете Уорвика в 1970. Джон был основателем и директором Исследовательского отдела по расовым отношениям при Исследовательском совете по

социальным наукам в Астонском университете с 1979 по 1984 г., а затем снова вернулся в Уорвик. Кроме временного пребывания в качестве гостевого профессора в Торонто, Кейптауне и Нью-Йорке, Джон оставался профессором в Уорвике, а после, до самой финальной болезни, был там почетным профессором.

Увлечение социологической теорией привело Джона к написанию классической работы Ключевые проблемы социологической теории (1964), освободившей социологию от преобладания парсонсианского функционализма и привившей многим студентам интерес к классическим текстам по социологии на всю жизнь. Труды Маркса, Дюркгейма, Зиммеля и особенно Макса Вебера играли центральную роль в работе Джона. Будучи убежденным, что конфликты ценностей и интересов являются нормой, он возродил интерес к теории конфликта, воплотившийся в книге Социальный конфликт (1981). Джон понимал, как в обществе работают власть и принуждение, но, даже побывав однажды кандидатом в члены Парламента от партии лейбористов, придерживался мнения, что задача социальных исследователей – анализировать и объяснять, а не активно заниматься политикой.

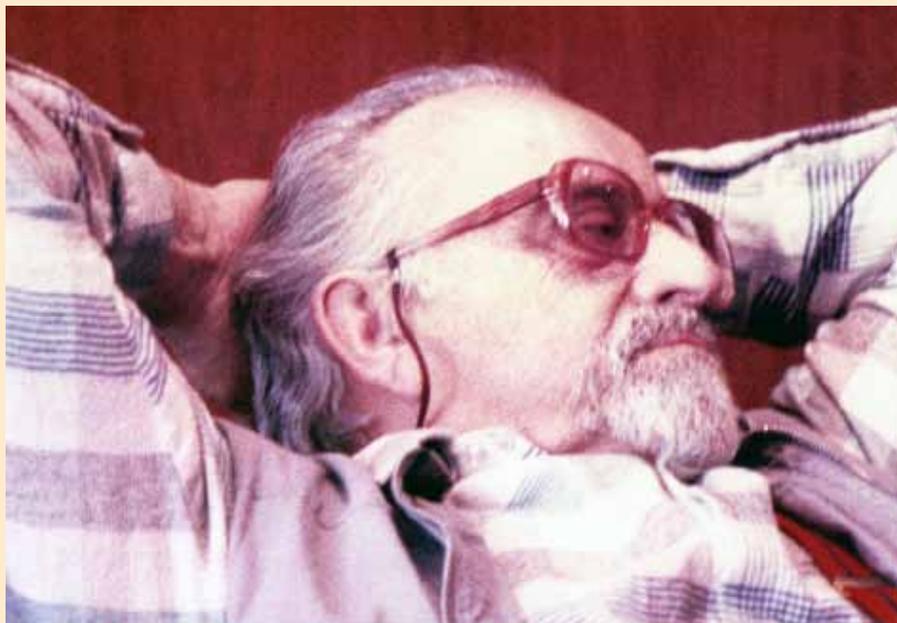
Его увлеченность наукой не мешала испытывать глубокое возмущение дискриминацией и расизмом, направленных на иммигрантов из бывших колоний, переезжавших в Британию после 1950-х. Джон был членом Международного экспертного комитета ЮНЕСКО по расизму и расовым предрассудкам, четко провозгласившем в своем заявлении 1967 г., что «проблемы, возникающие на почве так называемых «расовых» отношений, являются по своей природе социальными, а не биологическими» - пионерская идея

для того времени! Также в течение восьми лет он выполнял обязанности президента Комитета по расовым и этническим отношениям МСА. В 1964 г., совместно с Робертом Муром, Джон начал работать в Спаркбурке, Бирмингем. Итогом работы стала публикация самой известной книги Раса, сообщество и конфликт (1967: *Race, Community and Conflict*). В 1974 г. он вернулся работать в Хэндсворт, Бирмингем, что завершилось публикацией книги Колониальные иммигранты в британском городе: классовый анализ (Rex and Tomlinson 1979: *Colonial Immigrants in a British City: a Class Analysis*).

Следуя своим убеждениям, Джон мог быть бескомпромиссным в споре. Он серьезно досаждал некоторым несогласным с ним коллегам и действительно получал удовольствие, провоцируя тех, чьи взгляды казались ему поверхностными. Но его точка зрения всегда пользовалась уважением и, как человек, он вызывал искреннее расположение. После смерти Джона вышло множество воспоминаний бывших студентов и коллег, отдающих ему дань и признающих, что «он изменил мою жизнь» и то огромное влияние, которое его труды имели на тысячи людей во всем мире. Его последней работой стала глава в книге о Вильгельме Балдамусе, профессоре социологии в Бирмингеме в 1970-е, опубликованная в 2010 г. Он писал, что «Балдамус был уникальной личностью [...] он не следовал меняющимся тенденциям социологической мысли и практики [...] он был человеком, имеющим смелость своих убеждений и придерживающихся их в отношениях с друзьями и коллегами». То же самое он мог бы сказать и о себе. В 2010 г. Джон получил награду Британской социологической ассоциации за жизненные заслуги. Семье, друзьям и коллегам его будет очень не хватать. ■

> Курт Джонассон 1920-2011

Селин Сен-Пьер, Квебекский университет в Монреале, Исполнительный секретарь МСА в 1974-1979 гг., член Исполнительного комитета МСА в 1986-1990 гг.

Курт Джонассон - верный коллега по МСА.

В 1974 году мы с Куртом были избраны Исполнительными секретарями МСА. В то время президентом был Том Боттомор, а Секретариат переезжал из Милана в Квебекский университет в Монреале (КУМ), где я преподавала. Курт был профессором социологии в университете Конкордия. Мы проработали вместе в МСА около пяти лет (с 1974 по 1979 гг.). После этого он делил свои обязанности Исполнительного секретаря с Марселем Рафи, который работал в КУМ, пока в 1983-м Секретариат не переехал в Амстердам.

Курт занимал высокое положение в англоязычном академическом сообществе Канады и при этом свободно говорил по-французски. Во время нашего сотрудничества в Секретариате мы ежедневно разговаривали по-французски – Курт настаивал на этом. Его огромная чуткость к франкоязычной культуре Квебека поспособствовала возрастанию роли французского языка в работе

МСА при том, что большая часть общения и мероприятий до сих пор проводится на английском.

Ни я, ни Курт никогда не интересовались финансовыми и бюджетными вопросами, однако он благородно согласился взять на себя обязанности управляющего финансами. Это было нелегко, если учесть плохое финансовое состояние МСА того времени. Нам помогало то, что постоянно росло индивидуальное и коллективное членство в организации, однако взносы оставались низкими, а конгресс в Торонто в 1974 году привёл к дефициту. Курт справился с этой ненадёжной ситуацией при поддержке других членов Исполнительного комитета. К концу нашего первого срока (1974-1978) мы представили финансовый отчёт с рядом рекомендаций, как получить больше денег от взносов и от наших публикаций. В каком бы состоянии ни были финансы МСА, Курт всегда был прямолинейным и честным и проявлял огромное чувство ответственности.

Курт Джонассон также внёс значительный вклад в наши знания об истории МСА, опубликовав серию хроник в бюллетене МСА в 1980-х. Источники, собранные им, и расшифровки интервью, которые он провёл с прежними руководителями МСА, послужили отправной точкой для “Краткой истории МСА: 1948-1997” (A Brief History of the ISA: 1948-1997), опубликованной Дженнифер Платт в 1998 году.

После работы в качестве Исполнительного секретаря Курт ещё на протяжении нескольких лет сотрудничал с МСА. В течение этого времени он продолжал преподавать и заниматься исследованиями геноцида. Он был глубоко предан своей работе, и вершиной его труда стало основание Монреальского института исследований геноцида в 1986 году совместно с Фрэнком Чоком (Frank Chalk).

Курт Джонассон родился в Кельне 31 августа 1920 года и скончался в Монреале 1 декабря 2011 года.■

> Наследие и разрыв в колумбийской социологии

Патрисия С. Джарамилло Гуерра и Фернандо Кубидес, Национальный университет Колумбии в Боготе

Социология - это серьезно! Молодые колумбийские социологи на Национальной конференции в Кали. 2-4 ноября 2011 года.

Колумбийские социологи собрались 2-4 ноября 2011 г. в городе Кали на десятую Национальную социологическую конференцию. Темой было Наследие и разрыв в современной колумбийской социологии. В качестве организаторов выступили социологические факультеты Университета дель Валле, Университета ICESI и Университета дель Пасифико. Кроме того, в предверии конференции была проведена встреча, посвященная веберрианскому наследию. Успех

этой конференции чрезвычайно важен для консолидации нашей дисциплины, в особенности потому, что последняя национальная конференция проводилась в 2006 г. Хотя колумбийская социологическая традиция уходит корнями в 1950-е, ее развитие шло с перерывами из-за жестокого политического контекста и стигматизации из-за ее предполагаемых связей с партизанским движением. Многие факультеты были закрыты пятнадцать лет назад и возобновили работу в последние пять или десять лет.

>>

В содержательном смысле, колумбийская социология формируется в обществе, полным противоречий: здесь насилие соседствует с давней традицией демократии; уровень неравенства - один из самых высоких в Латинской Америке, при этом правовая система признает социальные и культурные права, что для Латинской Америки - редкость. Колумбия предоставляет социологии исключительную лабораторию, но также требует от нее большой социальной ответственности.

Предваряющее конференцию заседание, посвященное наследию Макса Вебера, было организовано кафедрой социологии Национального университета Колумбии при поддержке университетов - организаторов конференции. Целью встречи было обсуждение последних тенденций в интерпретации наследия Макса Вебера - открытый семинар способствовал участию известных международных ученых: Вольфганга Шлухтера из Германии, Франсиско Жилья Вильегаса из Мексики, Эстебана Верника из Аргентины, Хавьера Родригеса Мартинеса и Хосе Альмараса Пестаны из Испании. Участники подчеркнули, что обращение к работам Вебера важно не только для специалистов, но и для широкой общественности. Как заметили местные социологи и иностранные гости, дискуссии, посвященные работам классиков, редко проходят на таком высоком уровне, что благоприятно отразилось на состоянии теоретической мысли в Колумбии.

В конференции приняло участие множество международных докладчиков: президент МСА Майкл Буравой из Калифорнийского университета, Беркли; президент Латиноамериканской социологической ассоциации Энрике Мартинс из Федерального университета Пернамбуку (Бразилия); Алехандро Портес из Принстонского университета (США), где он руководит Центром по вопросам миграции и развития; Эмилио Тенти из Университета Буэнос-Айреса, Мануэль Антонио Гарретон из Католического университета Сантьяго (Чили) и Милтон Видал из Университетской академии христианско-

го гуманизма (Чили). Эти ученые приняли активное участие в дискуссии о современном студенческом движении, глобальной социологии, иммиграции, публичной социологии и постколониализме.

Результаты усилий организаторов конференции впечатляют: 24 рабочих сессии, 600 участников, 200 докладов, одиннадцать международных гостей, а также участники пятнадцати социологических программ Колумбийской сети социологических школ и факультетов (RECFADES). Конференция имела заметный успех, что нашло отражение в следующих замечаниях заключительной сессии: «социология находится в добром здравии» и «наша дисциплина столь же правомерна и уместна, как любая другая область научного знания».

Атмосфера рабочих сессий также подтвердила жизнеспособность колумбийской социологии, отмеченную растущим числом школ и поступающих студентов, в противоречие противоположным глобальным тенденциям. Также было замечено, что многие социологи мигрируют после получения степени бакалавра и обогащают другие области знания. Сама дисциплина диверсифицируется через новые понятия субъективности, нетрадиционные подходы к гендеру, новые подходы к религии и многое другое. Предметы, которые когда-то были дискредитированы, в настоящее время стали модными, как, в частности, потребление через призму моды, вкуса и художественной выразительности. Кроме того были представлены традиционные темы колумбийской социологии - насилие, крестьянские движения, сельские сообщества и организация труда - интерес к ним остается таким же, как прежде.

Делегаты были единодушны, воздавая хвалу не только самоотдаче и профессионализму организаторов, благодаря которым конференция превратилась в интеллектуально захватывающее событие, но и их щедрости, бесконечному гостеприимству и невероятной теплоте в городе сальсы. ■

> ТЮРКСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Елена Здравомыслова, Европейский Университет в Санкт-Петербурге, член Исполкома МСА, 2010-2014

Четвертый международный конгресс социологов тюркоязычных стран в Уфе, Башкортостан, РФ.

Ведущие ученые в области социальных и гуманитарных наук из России, стран Европы, Турции, Казахстана, Азербайджана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана приехали в Уфу для участия в четвертом Всемирном конгрессе тюркских социологов “Евразийское пространство: цивилизационный потенциал тюркоязычных стран и российских регионов в XXI веке”, состоявшемся 4-10 сентября 2011 года. Отметим, что первый Всемирный конгресс социологов тюркоязычных стран состоялся в 2005 г. в Турции; за ним последовали конгрессы в Казахстане и Кыргызстане. Уфа - красивый и гостеприимный город на юге Урала, с населением более миллиона человек. Это столица Республики Башкортостан - одной из автономных областей России. Башкортостан - многонациональный регион, где башкиры

составляют вторую по численности этническую группу после русских. Башкирский язык относится к тюркской языковой группе. В соответствии с Башкирской Конституцией, оба языка – русский и башкирский – имеют официальный статус. Тем не менее, башкирский язык не очень распространен в городских районах и считается языком, находящимся под угрозой исчезновения, несмотря на политические усилия последних лет по расширению его присутствия в публичном пространстве. Профессиональное социологическое общение осуществляется на русском языке.

Башкирская социологическая ассоциация - коллективный член Российского общества социологов – приняла Конгресс с более чем 200 участниками из разных регионов и стран. Конгресс был поддержан правительством Башкортостана, оказавшим финансовую и организационную помощь. Представитель

>>

президента Башкортостана прочел приветственную речь. Со словами приветствия, что было важным символически – также обратились глава Башкирской академии наук, старейшина и вице-президент Ассоциации тюркских социологов, представители Российского социологического общества, делегат от Азербайджана и я, представляющая МСА. Рабочими языками встречи были русский и турецкий; также осуществлялся синхронный перевод.

Пленарные доклады были посвящены Евразии – ее пространству, цивилизации, общей истории, общим проблемам и будущему. По словам старейшины Ассоциации тюркских социологов профессора Еркала Мустафы, главной целью конгресса было предложить социологическую концептуализацию мультиполярного глобального мира, которая могла бы способствовать устойчивому развитию и интеграции различных культурных, социально-экономических и политических контекстов. Пленарные докладчики были вдохновлены идеей гибридной идентичности в центре Евразийской цивилизации (разработанной, среди прочих, русским этнологом примордиального «лагеря» Львом Гумилевым). Особое внимание уделялось турецкой парадигме социально-исторического развития, важности укрепления транснациональной идентичности и исследованию глобальной интеграции тюркского мира.

На конференции были представлены доклады по теории и практикам современного евразийства и отношения социальных наук к актуальным проблемам тюркского мира и России. На Конгрессе было четыре секции: «Евразийство: проблемы и перспективы научных исследований и анализа», «Социодинамика современного евразийского пространства: проблемы и решения», «Культурные измерения евразийского пространства» и «Социологические школы тюркского мира и России». Большим шагом вперед стало решение по учреждению Евразийского социологического журнала.

В кулуарах также бурлила жизнь – участники устанавливали и возобновляли кросс-региональные и транснациональные контакты, договаривались о межвузовском обмене студентов и преподавателей, обсуждали возможности совместных исследований и переводческих проектов, позволяющих связать социологов разных стран. Встреча также была призвана укрепить символический

капитал и значение Башкирской социологической ассоциации, которая в октябре 2012 г. будет принимать у себя Всероссийский социологический конгресс.

Участники конгресса приняли несколько резолюций: о сотрудничестве социологов тюркоязычных стран, а также о сотрудничестве между российскими и тюркскими социологами. Представители турецких и уфимских университетов решили организовать обмены преподавателей и студентов, а обмен подарками социологов тюркских стран, который состоялся на банкете, символизировал их профессиональные и культурные связи.

Конгресс принял решение об установлении памятной доски профессору Нариману Аитову (1925-1999), основателю Башкирской социологической школы. Аитов принадлежит к первому поколению советских социологов. В 1964 г. он учредил в Уфе социологическую лабораторию и внес большой вклад в развитие регионального планирования, социальной инженерии; Нариман Аитов также проводил исследования по социальной мобильности и социальным последствиям научно-технической революции. Аитов – автор более 300 публикаций. В 2000 г. Академия наук Башкортостана учредила премию Аитова за лучшую публикацию по социологии.

Таким образом, встреча стала свидетельством идущей культурной и научной интеграции тюркоязычных стран, ориентированной на транснациональное сотрудничество и признание социологического разнообразия. Неудивительно, что социологи из Турции играют важную роль в этом процессе. Государства Центральной Азии, ставшие независимыми после распада СССР, так же, как Северный Кавказ и восточные регионы России – все имеют значительное тюркоязычное население. Интеграционные процессы опираются не только на языковую общность, но и на общие идеи цивилизационного – евразийского – единства. Так, в числе интеллектуальных ресурсов социальной интеграции обсуждались исторические корни, пути модернизации, коллективная память и культурные традиции. Как заявил один из организаторов: «Хотя тюркоязычные страны тысячу лет существовали отдельно друг от друга, сегодня мы можем говорить об объединяющем нас культурном и научном сотрудничестве». ■

> Бриллиантовый юбилей Индийского социологического общества

Т.К. Ооммен, Университет Джавахрала Неру, Нью-Дели, Индия, глава организационного комитета
Индийского социологического общества и бывший президент МСА, 1990-1994

Профессор Т.К. Ооммен принимает почести как бывший президент Индийского социологического общества. Памятный знак вручает вице-президент Индии, Шри М.Хамид-Ансари. Между ними - вице-канцлер Судхир Кумар Сопори, справа - президент ИСО, Якоб Джон Каттакаям.

Конференция, посвященная бриллиантовому юбилею Индийского социологического общества состоялась 11-13 декабря 2011 г. в Университете Джавахрала Неру (JNU), Нью-Дели. Конференцию организовал Центр исследования социальных систем (CSSS), хорошо известный факультет социологии в Индии. Профессор Ананд Кумар, секретарь конференции и ее мотор, один из сотрудников этого факультета.

Ежегодные конференции ИСО имеют трехчастную структуру: пленарные заседания (открыва-

ющее и завершающее конференцию, и две мемориальные лекции), симпозиумы, часто идущие как параллельные сессии, более двадцати исследовательских комитетов (ИК), заседающих отдельно. Кроме того, организуются специальные сессии до и после конференции, которые проходят в других городах. В последние несколько лет перед основной конференцией также проходила конференция молодых социологов. В этом году в рамках празднования Бриллиантового юбилея проводились две специальные встречи, в Бомбее и Лакхнау - двух основных цен-

трах, где зародились исследования и преподавание социологии в Индии.

Бриллиантовый юбилей открыл ученый и государственный деятель, вице-президент Индии, Его Превосходительство Хамид Ансари, который признал важность социологии в разрешении кризисов, стоящих перед современным миром и в этом контексте подчеркнул особую важность публичной социологии. Джи Джи Каттакаям, нынешний президент ИСО, начал дискуссии конференции, обратившись к ее теме, «Социология и социальная трансформация в Индии».

>>

На пленарном заседании, открывающем конференцию, также по обычаю воздавали почести выдающимся индийским социологам. Трое из них - С.К. Шривастава (Университет Бенарес Хинду), П.К. В. Наяра (Университет Керала) и Д. П. С. Уберой (Университет Дели) получили награду за профессиональные достижения. Следуя индийской традиции уважения к старшим, по случаю юбилея в адрес всех предыдущих и ныне живущих президентов ИСО также прозвучали слова благодарности и признания.

Темы пяти симпозиумов были следующими: Социология и кризис социальной трансформации - международная перспектива; Кризис управления; Кризис экстремизмов; Кризис развития и проблемы маргинализации; Общество и социология в Дели. Первый симпозиум был глобальным по своему содержанию, последний - локальным по жанру, а остальные три были сосредоточены на Индийском обществе в целом. Таким образом, удалось покрыть глобальный-национальный-локальный континуум. Я не собираюсь комментировать симпозиумы, но, поскольку я пишу для глобального читателя, будет уместным сделать ремарку о первом из них. В нем принимали участие четыре докладчика из США, Швеции, Германии и Японии. Президент МСА, Майкл Буравой (США) выступил с основным докладом, а я вел симпозиум.

Профессор Буравой подчеркнул важность социальных движений для понимания нынешнего кризиса трансформации, назвав их одновременно и симптомом, и путем решения проблем. Я обратил внимание на неразрывную связь социологии и феноменов социального кризиса и трансформации. Три других оратора говорили о положении дел в своих странах.

Темы мемориальных лекций отображали плюрализм индийской социологии. Лекция в память М. Н. Шриниваса «Социальная мобильность и социальная структура: к концептуальной и методологической переориентации» была прочитана профессором П. Н. Мукерджи; лекция в память Радхакалама Мукерджи «От идеального типа к метафоре - пересматривая концепцию революции» прочитана профессором Д.Н. Дханагаре; оба являются бывшими президентами ИСО. Профессор Дипанкар Гупта, относительно молодой социолог, выступил с заключительным докладом «Обсуждая управление - гражданство, рост и развитие».

Сборник тезисов включил 775 текстов; в ходе конгресса работало 22 исследовательских комитета (ИК). Наибольшее количество докладов было представлено на двух ИК - «Сельские, крестьянские и родовые сообщества» и «Социальные изменения и развитие», в то время как наименьшее число докладов было прочитано на заседаниях ИК «Социология образо-

вания», «Общество и теория», и «Концепция и методология», что, возможно, отражает текущие тенденции научных интересов в индийской социологии.

По случаю Бриллиантового юбилея специальный выпуск Социологического бюллетеня, официального журнала ИСО, опубликовал две объемных научные работы, одну по истории ИСО профессора А. М. Шаха и другую, представляющую анализ 50 лет деятельности Социологического бюллетеня, за авторством его нынешнего главного редактора, профессора Н. Джаярама. Кроме того, издательство Sage Publishers представило семь томов научных работ, опубликованных в Социологическом бюллетене, шесть из которых посвящены разным темам - Индийская социология, Меняя касту, Аграрные изменения, Маргиналы, Образование, Общественные движения - а седьмой составлен из избранных обращений президента ИСО.

Конференция, посвященная Бриллиантовому юбилею, стала памятным событием, в котором приняли участие около 1500 делегатов. Этот краткий отчет о конференции может расцениваться как повод для других национальных ассоциаций рассмотреть свои подобные мероприятия в сравнительной перспективе. Что еще более важно, это событие было напоминанием индийских социологов о том, что у них впереди долгий путь. ■

> Социальная стратификация в странах БРИК

Том Дуайер, Университет Кампинаса, Бразилия, член исполкома МСА, 2010-2014 гг.

Социологи из Бразилии, России, Индии и Китая на встрече в Пекине обсуждают социальную стратификацию в своих обществах.

Четыре страны БРИК – Бразилия, Россия, Индия и Китай – сближаются под влиянием тектонических сдвигов в мировом порядке. Чтобы лучше понять эти процессы и их следствия для международной стратификации, социологи из этих четырёх стран в октябре 2011 года собрались в Академии общественных наук КНР в Пекине, чтобы обсудить сборник под редакцией Пейлина Ли (2011) *Jin Zhuan Guo Jia She Hui Fen Ceng: Bian Qian Yu Bi Jiao* (Социальная стратификация в странах БРИК). Задача этой книги – помочь социологам лучше понять, что объединяет и что разделяет эти четыре страны.

Прежде всего БРИК – это страны с очень большой территорией (более 3 млн. км²), огромным населением (более 150 млн. человек) и активно развивающейся экономикой с (относительно) высокими темпами роста. Статьи, представленные на семинаре, показали, что эти три фактора имеют поддающиеся эмпирической проверке следствия для политической и экономической жизни, а также для производства знаний. Во всех четырёх странах имеют место важные региональные различия: по сравнению с развитыми странами в странах БРИК гораздо больший процент сельских жителей; различия между селом и городом гораздо больше, чем различия между урбанизированными территориями; государственные служащие или политики обладают непропорционально большой частью общественных благ и формируют часть быстрорастущих “средних классов”. Если внимательно изучить некоторые разделы книги, то можно обнаружить некоторую общую динамику: к примеру, постепенно всё больше граждан получают доступ к образованию, но, несмотря на это, сохраняются ключевые структурные различия, ведущие к усугублению неравенства. Так как экономическое развитие стран БРИК не по-

следовало по пути, предложенному теорией модернизации, из их истории можно извлечь важные уроки, касающиеся теорий экономического и социального развития.

Основными темами дискуссии были общие черты стран БРИК, а также дистанция между нашими системами социальной стратификации и теми системами, на которых построены доминирующие (европейские и североамериканские) традиции исследований и теории социальной стратификации. Мы поставили под вопрос релевантность традиционного понятия о стратификации, учитывая высокую социальную мобильность и конец идеи “профессии на всю жизнь” (очень явно выраженную в Китае и России при том, что эти общества перешли к рыночной экономике). Мы заметили, что отсутствие понятия движущей силы (*agency*) в исследованиях стратификации затрудняет описание формирования идентичности и социальных изменений. Чтобы более осмысленно произвести сравнение стран БРИК между собой, с нашей точки зрения, необходимо разработать более глубокое понимание национальной статистики и уяснить, как один и тот же концепт может иметь разное значение в разных странах.

Страны БРИК существенно различаются между собой; эти различия и их последствия, касающиеся разнообразных паттернов социального и политического действия, станут ещё яснее, когда страны лучше узнают друг друга. Понимание различий, а также развитие способности сосуществования вопреки им, имеют ключевое значение при построении совместного будущего и регулировании неизбежных конфликтов. Именно здесь, возможно, более, чем где бы то ни было, будут играть роль социологические (и антропологические) исследования. ■